

Дмитрий Сенницкий

Alter Ego

Другое Я

Аннотация

В кабинет к психологу приходит необычный гость, который повествует весьма странную и загадочную историю. Историю о том, как он был вовлечен в опасную игру, где риск и самоуничтожение стали образом его жизни, а отрицание всех человеческих законов и апокалиптические идеи — образом мысли. Невообразимый путь к пробуждению сквозь навязчивый грех и неотступный страх, безрассудные состязания и черный огонь истины, русская рулетка и решительные взгляды, устремленные к хаосу и войне. Эта книга для тех, кто еще жив.

Кто я? Как жить? и Зачем? — возрастают вопросы, подобно вбитым сваям. Какую шутку и какую игру может затеять ваш разум? Какова грань между вашей жизнью и безумием? И есть ли черта, за которую лучше не заходить?

Дмитрий Сенницкий

Alter Ego / Другое я

Часть первая

Парадокс

Явление

*Часть скандала всегда остается в тени,
и это всегда его лучшая часть.*

Закон тени

Что вы видите? Посмотрите вокруг. Одна секунда. За секунду можно прожить целую жизнь. Если вы перестали смотреть, скорее всего, вас уже нет. Медленно поднимите голову и взгляните перед собой: сначала вдаль, насколько это возможно, пока ваш взгляд не упрется в какой-нибудь твердый предмет, потом перейдите к тому, что вблизи, теперь постарайтесь охватить все сразу. Подключите периферическое зрение. Настройте четкость. Вдохните поглубже и задержите дыхание, зафиксируйте внимание и подумайте. Иногда обычные, даже самые обычные вещи могут быть совершенно иными, а твердый предмет, даже самый ультимативный, через мгновение обретет гибкость и эластичность. Измените свое сознание.

Когда-то мы были чисты и наивны, словно первозданный, девственный лес посреди городской скабрзности, словно нетронутый оазис в песках верблюжьего края, когда-то и очень давно. Когда-то и очень давно нам было все интересно, везде хотелось побывать, все увидеть, для нас эта информация первобытная, она не запачкана временем и примесями памяти. В детстве можно все и все хочется, хочется залезть в воду, где в плетеных водорослях ползают змеи, хочется бродить по лесу и прыгать по ровным островкам, а на зеленом ковре разглядеть, как прячутся скорпионы, хочется отыскать в колодце застывшую прохладу, а рядом с облепихой давно зарытый старинный клад. Нас привлекают загадки и таинственные похождения, все эти приключения, наша потребность в зрительных образах, визуальных, доступных глазу ощущениях. С годами чувства блокируются, и тогда вы в этом уже не будете нуждаться. Это наступит еще раньше, чем вы предполагаете.

В жизни часто встречаются довольно странные и необъяснимые ситуации, но мы не меняемся, а только изменяем свое отношение к ним. Нам не хватает того, что вдруг потрясет, перевернет наше дальнейшее существование, но почему-то этого не происходит.

Есть очень одинокие люди, такие, как вы, или

такие, как я, есть еще более одинокие, как есть опустевшие дома, куда всегда влечет детская склонность к открытиям. Любопытство, может быть, а если точнее, любознательность, а если еще точнее — пытливая страсть познания. Всегда существуют такие места, куда хочется влезть или заглянуть. Ты подтягиваешься на своих тоненьких ручках и пытаешься посмотреть в окно незнакомого тебе дома. А это не всегда так уж и легко. Подпрыгиваешь, замирая на долю секунды в невесомости, стараясь запечатлеть, то удивительное, то, что ты вдруг скоро узнаешь. И снова не видно. Все напрасно. Собрав всю свою силу, вновь пробуешь заглянуть через стекло, еще чуть-чуть — и вот ты видишь сидящего на полу человека. Ты видишь то, что не ожидал. Руки ослабли, затряслись, и ты падаешь на траву, падаешь и лежишь, лежишь и ждешь. Ждешь, и ничего не происходит.

Мы украдкой подсматриваем, чтобы нас никто не заметил, хотим узреть что-то диковинное, ранее невиданное, но все чаще натываемся на обыкновенную черно-белую фотокарточку с изображением Чарли Чаплина. Мы тратим время, корпим ради десятка яблок, второпях сорванных из чужого сада, влезаем на дерево в надежде увидеть нечто противоестественное, но опять пред глазами только обычная девчонка, уплетающая ложкой

черничное варенье. Разве это мы хотим увидеть? Нам нужно то, что даст нам нужную ориентировку, новое направление, наставление в долгую жизнь, хочется видеть яркий фейерверк, янтарный свет с привкусом лимонного солнца, золотой, звездный водопад, но это всего лишь Чаплин в своем черном котелке и причудливыми усами.

Очнитесь, заставьте себя проснуться, раскройте глаза, присмотритесь еще раз, может, обычные вещи не такие уж и обычные. Наше восприятие многогранно. Неважно, где вы сейчас находитесь, работаете в офисе или едете в общественном транспорте. Кто сидит перед вами? Одежда, обувь, глаза, руки, волосы — кто он? Почтальон, психоаналитик, студент духовной семинарии, юрист, продавец недвижимости или убийца — кто спит в электричке рядом с вами? И спит ли вообще, может быть, он уже не дышит. Кто позади вас? Оглянитесь, это не вы сами?

Но почему-то опять хочется заскочить в опасность, провалиться в пропасть возбуждающего интереса — еще разок и все, и никогда больше. Снова вскарабкиваешься и опять ничего не видно. И ты решаешь оказаться поближе, перелезаешь через оконный проем, твои пальцы касаются мягкого ковра. Взгляд человека застывает на твоей груди и молчит. Теперь вы остаетесь с ним вдвоем. Ты видишь только какого-то незнакомого мужчину,

не героя из комиксов, а самого рядового человека, сидящего в углу комнаты. Облокотившись спиной о стену, чуть запрокинув на бок голову и едва приоткрыв глаза, он как-то странно смотрит и улыбается. Кто же он?

Хрупкий кислород преломлялся в отражении ярко-красных обоев, он сыпался словно бронзовый песок на зеленую поверхность ковра, ломаясь и растворяясь в примятом ворсе. Сладкий искусственный запах плоскими стеклянными квадратами застилал комнату, в которую остро врезался поток нового воздуха из приоткрытого окна. Створки покачивались и, чуть поскрипывая, неохотно ударялись друг о друга. Ветер с мелкой пылью вздымал занавески, трепал газету по комнате и волосы мальчика, сидящего возле отопительной батареи. Обездвиженный, он застыл, громко выдыхая гладкие пласты воздуха. На мгновенье он приподымал голову, устремляя взор на высокий шкаф, потом чуть правее, в сторону сидящего на зеленом ковре мужчины. Возможно, именно вы были этим мальчиком, только этого не помните. Или это был я. Вы это видели, я это видел, какая разница, вы или я, или тот мальчик — все мы не похожи друг на друга, но жизнь наша необычайно похожа. Напрягите свою память, перемотайте десятилетия.

И вот сейчас он сидит и смотрит на

постороннего человека. Теперь нужно обязательно постараться понять, что же все-таки происходит? Возможно, он спит, как тот человек рядом с вами на скамейке. Вероятно, так и есть. Но он не спал. Мужчина сидел на залитом липкой жидкостью полу и спокойно вглядывался в молчание безбрежного пространства. Он был мертв, и мертв не так давно. И ты начинаешь это осознавать. Мальчик опять опустил голову и посмотрел в зеленый ковер, в глубине его щетины высматривая разгадку. Тишина, кратковременный шок, две секции жесткого радиатора у горячей спины, обжигающий скрип, дребезжание стекла, глухой удар фрамуги вдруг заставил вздрогнуть, поднять голову и опять смотреть прямо перед собой. Все насыщалось колоритом — яркая гамма на полотнах Мане — все смешалось на палитре этой комнаты цвета красных обоев.

Казалось, он был один в этой комнате, повенчаный со своими мыслями и такой знакомой ему пустотой, разбавленной противным скрипом ставень и звонкой каплей от только что начавшегося дождя. Вспомните опять ту комнату, те ядерного цвета обои и мальчика, бормочущего несвязные слова возле батареи, в упор глядящего на мертвого человека. Я вижу это прекрасно, прерывисто ощущая тот стылый воздух и страх беспомощности.

Выдохните и задумайтесь, остановите мысли, повторите то, о чем думали секунду назад. Пройдите сквозь тесный коридор времени. Теперь придется нести этот груз до тех пор, пока не наступит время, время измениться и раскрыть истину, быть может, даже слишком страшную, чтобы в это поверить. Теперь это будет и ваш секрет, тайна, которая переменит ваше отношение ко всему. В каждом подростке сидит чувство страха и вины. Детские впечатления, душевные волнения и осмысленная неизбежность — именно такой багаж предстоит тащить через невидимый океан жизни. Помалкивать, запрятав внутри себя то, что очень трудно скрыть. Образ этого человека застрянет теперь надолго в воспоминаниях, он будет реять над глазами, всегда рядом. Навсегда. За стеной сна. Хотите вы этого или нет.

Скрыть огонь от докучливых глаз, чтобы никто только не увидел, главное, чтобы кто-нибудь не узнал о том, что вы знаете. Только не проболтаться. Священное табу. Часть секрета всегда остается в тени, и это всегда, всегда его лучшая часть. Поверьте, уже не будет так, как раньше. Так стоит ли вообще взрослеть?

На первый взгляд может показаться, что все как-то не совсем понятно и не до конца приметна суть, но ничего, ведь впереди у вас целая жизнь, а может, даже не одна. И там, среди последних

страниц на стыке последних слов, все станет ясно. Ведь только ты видишь, что другие не видят, только ты — это единственный истинный человек во Вселенной.

Одна секунда. За секунду можно прожить целую жизнь. Если вы перестали видеть, то, скорее всего, вас уже нет. Вы контролируете свою жизнь? вы можете владеть собой? Тогда не говорите никому, что видели. Хотя какая разница, может быть, это вам вовсе приснилось. Вот только понять, что ты спишь, возможно лишь проснувшись. Вы отличаете сны от реальности?

Посмотрите вокруг. Что вы видите?

Я умолкаю.

I

Сны

*Мы умираем каждую ночь,
мы мертвецы, наделенные памятью.*

Бесконечные брильянтовые хрусталики, беспорядочные, неуловимые омывают потаенные глубины человеческого мозга, неподвластные оптике и всем ее диапазонам, они живут, они всегда жили в недрах нашего подсознания. Там, куда не проникнуть правилам, где бессильны нейроны и

правдивость всех знаний, там обитель непонятых и непонятных безвременных существ в огромной органической машине, обтянутой кожей.

Все размазано и расплывчато, невозможно отделить шаровое небо от черной почвы, линия горизонта стерлась, границы стали незримы. Что вообще я здесь делаю? Охватило смятение, нахлынула паника, меня преследуют, меня пытаются схватить. Я нахожусь где-то возле крайних граней темного города, в толще темного леса. В моей руке пластиковая канистра, а под ногами надрезанная земля. Как я сюда попал? Вдруг раздались выстрелы, я ринулся в сторону и покатился с обрыва. Резкая, пронзительна боль слева, это ребра. Я вскочил. Надо бежать, бежать быстро и долго. Прорываясь сквозь ветви деревьев, я остро ощущаю погоню. Темно и сыро, как в камбоджийских катакомбах, разлитая черная тушь по холсту, ничего не видно, только мрачные образы в голове. Я спотыкаюсь и падаю в яму, похожую на воронку от разорвавшегося полвека назад снаряда. Я даже сейчас слышу тот запах пороха и хвои и ревуший в унисон со смертью стон, они причитали, засыпанные землей в этой яме, сломанные оловянные солдатики.

В канистре плещется бесцветная жидкость. Отдышавшись, я откручиваю крышку — это горючая жидкость, это бензин. Зачем? Звук,

заставляющий мое тело извиваться в агонии, стремительно приближается, возрастая со скоростью арифметической прогрессии, притупленный испуг сковал меня, но мне не больно, мне жутко. Четверо людей настигли меня и уставились своими черными лицами. Парализованный, я лежу в грязи, а во тьме виднеются их белые зрачки и оружие. Находясь на дне сырого котлована в двух метрах от своих преследователей, отчаявшись на дальнейшие попытки бегства, я смирился и жду. Я жду.

Невозможно открыть рот, мои губы онемели. Что происходит? Я знаю, но не могу вспомнить. Вот так, погружаясь в себя, я ожидаю скоропостижной участи, но ничего вокруг не происходит, все остановилось. Только во мне есть пока еще жизнь, пока есть и время. Я покоюсь скрюченный и холодный в повальном замешательстве, словно загнанный в нору зверек, боясь шевельнуться. Прислушавшись к своему телу, я вдруг понял, что только оно бьется с силой и твердым пульсом, заикаясь ответом под щитовидкой, воздух — вакуум, ветра нет, все замерло, ни звука, даже птицы застыли в небе. Я превозмог себя и поднялся, выбравшись из воронки, я подошел к неотступно следовавшим за мной людям в камуфляже. Как остолбеневшие мумии, они безразлично смотрят туда, где меня уже

нет. Никакой реакции, они не видят меня, они не слышат и не дышат, они стоят, направляя оружие в яму. Я медленно обхожу их, пытаюсь не спугнуть зависшую в воздухе иволгу, и бегу прочь от этого места. Выстрел! Я уткнулся ноздрями в уже знакомую мне грязь.

Я уже жив или еще мертв?

Странное, страшное чувство, все безусловно — обреченность, пропасть и отчуждение, бред, бред, как после наркоза. Недалеко от меня стоит женщина держа за малюсенькую ладошку девочку, они прекрасные и беззащитные, всматриваются в лица кукольными глазками, пронзают меня свистящим взглядом. Стоят, отделенные от общей массы людей, как застывшие гипсовые скульптуры эпохи ренессанса, слегка улыбаясь, они так заманивают к себе. Можно понять все, все понятно, только нельзя связать. Мысли улечиваются, не хотят задерживаться в ящике, схватить бы их и засунуть обратно в голову да захлопнуть крышку. Но апатичная сила связала, опутала стальной паутиной, не нужно решений и умозаключений, итог заранее известен, только думать лень. Восковые лица отталкивают и манят, не по себе мне видеть их. Спать, очень хочется спать. Неизменно проходит время, дисбаланс, чувствуется разница температур, все молниеносно, а внутри, напротив, движение слишком сдержанное. Окаменевшие

куски глины, помехи, никому ненужность, необычные взгляды — заклинаю, чтобы все это кончилось! Помутнение в глазах, теряю сознание, едкий звон в ушах, ледяной пот по лицу, провал, долгожданный скрип, пустой удар, крышка упала, ящик закрылся.

Отражают сны нашу прошедшую жизнь или еще не подошедшую, жизнь ненайденную или забытую, кто это знает — тот уж точно знает, сон есть сон и решать вам, вы его моделируете или он вас.

Мирский

*Не судите о человеке по его лицу,
вы заблудитесь в догадках.*

Он открыл глаза и долго не мог понять, где сейчас находится — на краю темного города, спасаясь бегством с канистрой подмышкой, или в своей квартире с бледным междуэтажным перекрытием, в которое он, распростершись на кровати, сейчас неясно смотрит. Эта женщина и ребенок в его сне, они приходят к нему каждую ночь, каждую ночь они говорят с ним, только он их не слышит. Сон был настолько реален и правдоподобен, что, даже проснувшись, его мозг не переставал противоборствовать. Александр

Константинович мало спал, он относился ко времени ревностно, иногда жадно — семья, работа, диссертация, слишком много сражений для одного человека. Все чаще он задерживался на работе, все труднее засыпал отведенными ночами.

Мы постоянно что-то делаем, то ломаем стены, то воздвигаем, закапываем, перекапываем, сколь многое нам теперь возможно, мы скрупулезно подстригаем секатором кусты, но через год они вырастают снова. И мы снова их подстригаем. Камнепад, поднимаемый горячей бурей, интенсивностью мыслей загромождает он ход из пещеры твоей. Твое дело собирать камни и расчистить проход к свету, добраться наружу дело твое; но зачем эти камни ты за собою тащишь? Что-либо делать не опасно, опасно не знать, что ты делаешь. И дела ваши уже устали, и как им хочется, чтобы и вы устали от них, как статуи ждут они своего разрушения. Но кто из нас не заботился о теле своем и кто не дорожил отношениями своими? Эти кусты не сравнятся с кустами барбариса, они выше всех растущих вековых деревьев.

Мирский обладал исключительным качеством уважать людей и ценил семейные отношения, больше того, он любил свою жену. Время, когда зарождалась их любовь, когда впервые встретились их чувства, пролетело быстро и незаметно, а упоение друг другом осталось по-прежнему

сладостным. Он любил ее, ее темно-зеленые глаза, глаза, как море, а в глубине переливающийся морской жемчуг в свете мягкого перламутра. И как не звать к таким глазам, как не любить их? И за любовь супруга его одарила чудесной девочкой по имени Ира, и этому еще пока маленькому человечку вот-вот уже исполнится семь лет. Сейчас она тихо сидит на кроватке и гладит своего пушистого кота Матисса, нареченного в честь кратера на Меркурии.

Как обычно, Александр Константинович направлялся в гараж за автомобилем, ему нравилось идти и размышлять, вглядываясь в выразительные лица прохожих, он часто находил для себя много необъяснимого, пытался прочесть по ним о жизни их владельцев, об их привычках, особенностях характера или невероятных странностях. Некоторых людей он видел каждый день: кто-то подметал тротуар, кто-то убирал мусорные контейнеры, кто-то так же, как и он, спешил на работу. Все куда-то стремятся, для какой благой цели? Люди идут неуклюже, спотыкаясь о бордюры и канализационные люки, обувь мешает им, цепляясь за любой выступ, любую дорожную сыпь. Это ноги наши придумали себе обувь, и вместо того чтобы их приручить, мы намотали на них свинячью кожу.

Его удивляло, что молодой человек, которого

он встретил выходя из подъезда, ежедневно приносил в его дом журналы. Энергия его лица, треплющая, разгоняющая энергия, позволяла ему быть кем угодно, но только не письмоноском. Так это или не так, но ему так казалось. А вот прошел еще один человек в костюме от итальянского кутюрье с ярко-желтым в черную полосу галстуком, изящно повязанным на воротнике лиловой рубашки. Лицо этого человека не отображало ничего или почти ничего. Лоснящееся лицо гибралтарского рыбака в лиловой рубашке и ярком галстуке отображало похмелье. Три женщины с калейдоскопической спешностью опаздывали в метро. Даже издали от них исходил терпкий аромат духов, они безостановочно щебетали, лица их были приятны, что не скажешь об уставших от высоких туфель ногах. Ему попадались люди с чистыми, сладкозвучными лицами, отражающими здоровье и удовлетворительную жизнь. Лица улыбались, двигались и быстро дышали, покрывались испариной, лица плакали, отекали, блекли, хандрили и вздрагивали, кругом лица, одни лица, целый мир бесчисленных обликов.

Погода в это время года была благосклонна, середина сентября, а в городе так пахло свежестью с напряженным соленым оттенком. Легкий, ненавязчивый ветерок заботливо развеивал волосы и

подгонял откуда-то свыше пар и тепло, еще ласковое тепло. Как носятся в воздухе мошки, как перелетают нежные птицы, — он ощущал эту природную красоту всеми своими нитями, это были последние теплые деньки, и уже подступающие холода совершенно не меняли его настроения. Но присутствовало особое чувство, чувство чего-то нового, чего-то непроверенного.

Мирский работал практическим психологом в медицинском центре реабилитации пострадавших от пожара людей. Он вытаскивал из депрессий проституток и малолетних девиц, ставших жертвами насилия пьяных друзей и похотливых отчимов, уговаривал маразматических пенсионерок не слишком убиваться по кончине своих обожаемых хомячков. Долгие и долгие часы он проводил, примиря распутных жен и неудачливых мужей. И какое это имеет отношение к огню и пожарам? А в коридоре офиса все также ожидали его аудиенции и воздействия лечебного сеанса алкоголики, наркоманы и неадекватные пращурсы, непреклонно верующие в мелкобуржуазный распад, светлое будущее социализма и воскрешение Розы Люксембург. Но он с пониманием и гиппократской добросовестностью относился к своим нуждающимся пациентам.

Он припарковал автомобиль на стоянке рядом с полуживым зданием образцового содержания, где

многие и многие, маленькие и побольше, временные и долговременные фирмы арендовали помещения. Туристическое агентство, агентство недвижимости, ремонт и продажа бывших в употреблении телефонов, мебель на заказ, юридическая консультация — он задрал голову: в средоточии всего рекламного многообразия услуг завлекала будто на праздничный бал «Стоматология» с зеленой эмблемой в виде растопыренной во все четыре стороны большеротой лягушки. Мирский невольно ощупал языком все изъяны своих зубов, которые он запустил, потому что ему просто было жаль тратить время.

На восьмом этаже был расположен его офис, состоявший из прихожей и небольшого, уютного кабинета, главными действующими героями которого являлись мебель и предметы интерьера. Немолодой палисандровый стол, на глубокие рубцы его тела падал тонкими полосками свет от пожелтевших алюминиевых жалюзи. У входа стоял встроенный шкаф-купе с навешенным на фасад раздвижной двери огромным зеркалом, в котором отражалась висевшая на противоположной стене с жирным налетом пыли на багете репродукция причудливого портрета короля Филиппа IV в доспехах. Многочисленные полки с подобранной под общий вид тонировкой, арсенал литературы по психопрофилактическим методам и коррекционным

программам, матовые обои, аквариум с двумя гонящимися друг за другом шахматными боциями — все это приносило комнате безмятежность и морское спокойствие.

Поднявшись на лифте, Александр Константинович пронесся по пустынной прихожей, привычно открыл дверь, остановился на пороге, осмотрелся и приступил к работе. А работы было предостаточно. Иногда ему даже приходилось оставаться на ночь, для этого случая в углу комнаты располагался универсальный диван, облеченный плотным гобеленом. Но сегодня все отвлекало и предвещало что-то беспокойное, что-то, что вдруг прервет отлаженный ход его дел.

Денис

И предчувствие не обмануло.

Утреннее колокольное волнение предзнаменовало нечто пугающее, какой-то внутренний звук, похожий на предупреждающий гул набата. Стук в дверь, глухо и чуть слышно, словно придушенный вихрь в духовых трубах симфонического органа.

— Войдите, — размеренно сказал Александр Константинович. Интригующая тишина заволокла кабинет, краткий перерыв в бездонном звучании,

как шириной в четыре месяца пауза, победоносная и без всякого продолжения арлекинская насмешка.

И такие мы, разбудив уставшего путника, говорим ему: «Поспи еще».

— Входите, — повторил он.

— Здравствуйте, — слышался голос из полуоткрытой двери. И следом за невысоким голосом вошел высокий молодой человек лет двадцати пяти, а может, тридцати, сложно по росту определить возраст. Он был выше Мирского, потому и казался ему высоким, все мы мерим друг друга по себе. — Я бы хотел видеть Александра Константиновича Мирского.

— А вы по какому вопросу?

— Мне посоветовали вас в центре социально-психологической реабилитации, — не обращая внимания на поставленный вопрос заявил неожиданный пришелец.

— Простите великодушно, но у меня в данный момент много работы и очень мало времени, — пытаюсь контролировать ситуацию продиктовал психолог, — приходите в среду, в среду на следующей неделе.

Главное, что отличает психолога от прочих людей, это дипломатия — умение сказать «нет» так, чтобы это звучало как «да».

— Не хочу показаться навязчивым, но я оказался в весьма трудном положении, послушайте

меня сейчас, для меня это очень важно, — сказал гость и сел в кресло. — Очень.

— У вас сгорел дом или квартира?

— Нет, моя проблема иного характера, — спокойно ответил незнакомец.

Вступать в споры Александр Константинович расположен не был, но его немного обескуражила бесцеремонность этого человека, бесцеремонность самонадеянного коммивояжера.

— Допустим, а почему вы пришли именно ко мне?

— А к кому я должен был прийти? к массажисту? Вы совершенно меня не слышите, я же говорю, мне вас рекомендовали как хорошего специалиста с широкой специализацией.

— Поверьте мне, что таких специалистов, как я, немало. — Психолог все еще не понимал такой целеустремленности к его персоне.

— Вы правы, но существует еще одно незаметное обстоятельство, почему я пожаловал именно к вам.

— Позвольте узнать, какое? — изумленно спросил Александр Константинович.

— Пункт № 20.

— Что еще за «пункт № 20», говорите яснее?

— Я пришел к вам по причине содержания пункта номер двадцать, яснее некуда.

— А в чем его содержание?

— Это уже вопрос раскрытия содержания самого вопроса. А любая интерпретация содержания требует определенного времени, которого у вас так мало, — невозмутимо ответил упорный визитер.

— Для начала давайте познакомимся, — пошел на контакт Александр Константинович. — Ваше имя?

— Денис.

— Вы сильно мне кого-то напоминаете, Денис. Мы с вами нигде не могли встречаться?

— Даже не знаю, — ответил молодой человек, — что-то не припоминаю.

— Это естественно, — рассудительно и чуть задумчиво заметил Мирский, — человеческая память недолговечна, бесконечно лишь время, но не для людей.

— И еще человеческая трусость, — добавил Денис. — И время вечно, если бы оно было. Вечно то, что не подлежит времени, без начала и продолжения во всей полноте своего существования. Как говорил один мой друг, мы все становимся бессмертными, когда исчезаем, рано или поздно и твоя душа сделает меня бесконечным — так говорил мой друг.

— При работе с новыми пациентами я всегда задаю всем один и тот же вопрос: зачем вы здесь?

— Вы видели эту чудаковатую вывеску на

входе, ту самую, с зеленой лягушкой? Я пока к вам поднимался, никак в толк не мог взять, какая связь между лечением зубов и этой лягушкой? Я в детстве отцу как-то помогал картошку выкапывать, копал-копал и вместо картошки откопал лягушку, огромную такую, неподвижную, как кусок земли. Вот я тогда тоже никак понять не мог, что общего у лягушки и картофеля. Ну не могу понять и все тут, хоть тресни. Ведь я же знаю, что они как кроты под землей не живут, ну и не картошкой же они питаются, в самом деле. Прихожу домой, а по телевизору передачу показывают про дикую природу, путешествия, про всякие страны — и вот рассказывают про лягушек, я, честно говоря, уже всего и не помню, понял только, что жаба эта, когда еще совсем маленькая была, в нору забралась или под валун какой, поесть чтобы. А еды там полно, и вот она жрет и жрет, чересчур жадная лягушка оказалась, все ей мало.

— Жаба.

— Ну да, здоровая такая, в пупырышках, она еще так напряженно раздувается, будто сказать что-то хочет. И отожралась до того, что вылезти из этой норы уже никак не может. Это ж надо быть такой ненасытной. И сидит там, пока не похудеет или пока ее не вытащат, а кому она нужна ее вытаскивать? Это той повезло, что я картошку копал.

Александр Константинович посмотрел на Дениса, вспомнил стоматологическую вывеску с распятой губастой лягушкой и понял, что когда-нибудь ему все же придется пойти лечить свои зубы, ну если не лечить, то протезировать точно.

— Я так полагаю, все дело в этой жабе?

— Почти. Можно написать толстую книгу про свои проблемы и ждать, что читатель проникнется переживаниями, найдя в тексте схожесть со своей жизнью. Но зачем нагружать людей лишними вопросами, касающимися лишь меня, ну, может, еще кого-нибудь. Притом завтра, возможно, все изменится, и я буду говорить вам обратное. Проблема в одном — правильно ли задан вопрос. Ведь нельзя получить верный ответ на заведомо неверный вопрос? Я бы хотел рассказать вам про последний год из своей жизни.

— Я, разумеется, сделаю все от меня возможное.

— Людям полезно иногда делать что-нибудь невозможное. Чтобы вы могли сделать для человека, для обычного человека, незнакомого вам, для такого, как я?

— Я не знаю, что вам ответить.

— А если бы вы знали, что этот человек через пятнадцать дней умрет?

— Но вы же не умираете.

— А откуда вы знаете?

— Так что же с вами произошло? Расскажите о себе, начните с самого детства, — шаблонно подобрал трафарет психолог.

— Родился я в невисокосный год, который был объявлен ООН Международным годом инвалидов. «Год инвалидов» и это в тот год, когда братья Олсон выпустили первые роликовые коньки, а турецкий террорист совершил покушение на Папу Римского Иоанна Павла II. Кто-то родился в Амстердаме, в столице свободы и рубиновых тюльпанов, кто-то в песчаной стране египетских пирамид, я же в империи холода и пирамид финансовых. Ровно столетие назад родился Стефан Цвейг, за двести лет до меня отменили крепостную зависимость в Чехии, а в год моего появления расстреляли польских шахтеров. Смерть и новое рождение, они всегда вместе. Детство мое протекало очень болезненно, то ли из-за того, что я рос без отца, то ли из-за переживаний по шахтерам, то ли год был невисокосный, а вообще, я много болел.

У меня была спокойная, размеренная жизнь, как у самого обычного человека. Я работал в одной престижной компании, мне приходилось общаться с людьми и стараться сбыть им гнилую, пропитанную насекомыми и плесенью развалину, продать или разменять. Заключать сделки с

клиентами была моя первенствующая миссия, кто любит зефир, тот его покупает, не всегда свежий, но всегда сладкий. И на столе восприимчивого поденщика блистает раззолоченная миска пустых орехов. Параллельно я постигал знания в мединституте, который в дальнейшем решил бросить из-за произошедших со мной событий. К тому же я неусидчивый, да и зачем расточать себя понапрасну.

— То есть, по-вашему, учебные заведения вообще не нужны?

— Нужны, — сказал Денис, как говорит чревовещатель, незаметно двигая губами. — Для здорового общения и отсрочки военного долга.

— И только?

— Я за мотивированное самообразование, внеклассное чтение и самостоятельное исследование. — Хронометр включен. — Я жил, как все, и мне это нравилось, вел здоровый образ жизни, получал на завтрак заслуженный зефир, впрочем, я и был, как зефир, как вдушенное с яичным белком фруктовое пюре.

Большую часть времени я проводил со своей матерью, отец ушел от нас, когда мне исполнилось десять лет. Моя мама из тех женщин, знаете, есть такие легкие люди, я в том смысле, что с ними легко, они не лезут в твою жизнь, не нудят бесполезными советами, вроде тех, что нужно пить

теплое парное молоко с медом, содой и сливочным маслом, а играть лучше всего в большой теннис, а азартные игры и курение каннабиса приводят к эмфиземе легких. Приводят и все тут, а кто спорит? И не важно, куришь ты коноплю или нет, эмфизема уже необратима. А мне все равно, у меня хроническая астма и ничего не поделаешь, она была и до тенниса и будет после. Кем идти работать, пекарем или пресс-атташе, на кого учиться и учиться ли вообще, во сколько лет жениться, это очень нервирует, а зачем рекомендовать то, что заставляет человека нервничать? Моя мать чуткая женщина, она все понимала и заботилась обо мне молча. И я всегда решал свои проблемы сам. Проблемы, это чересчур помпезно, скорее, задачи, правда, задач, требующих самостоятельных решений в моей жизни было слишком мало.

У нас имелся небольшой, ничем не примечательный продовольственный магазинчик. Как ошипанный павлин он соседствовал с могущественными супермаркетами. Мы торговали продуктами питания — от соли и соленого печенья до маринованных помидоров — ассортимент был небольшой, как и прибыль, благодаря этому просроченное печенье с помидорами доедал я.

Карцинома

Надев очки, Александр Константинович принялся что-то писать мелким, неразборчивым почерком.

— А ваш отец, чем он занимался?

— Да ничем он не занимался, не хотел он ничем заниматься, — с надрывом отозвался Денис. — Он постоянно пил, пил часто и много, именно это и послужило причиной для развода моих родителей. Нескончаемые ссоры, скандалы, мама тратила последние силы, но все рассыпается о безразличие и эгоизм. Даже когда он перестал с нами жить, даже тогда ничего не изменилось и очевидный результат был неизбежен, вскоре он уже с трудом передвигался, а когда ел, то промахивался ложкой мимо рта. А дальше бывает только хуже, — Денис выдохнул и облегченно замолчал. — Вам это интересно?

Мирский внезапно понял, что надлежит скорее заканчивать с постановкой диагноза, но все закончилось само собой.

— Отец давно умер. — У всех у нас один диагноз.

— Как это произошло? — ненавязчиво осведомился Александр Константинович.

— Его сбила грузовая машина с десятиметровым изотермическим фургоном, он

скончался сразу, не дожидаясь бесчисленных операций. Мама стала часто болеть, клиники, аптеки, беготня, в свои невзгоды она меня не посвящала, я боялся за нее и, как оказалось, не зря. Я был дома, когда раздался телефонный звонок, выходящий из трубки человеческий голос сообщил, что мою мать доставили в больницу, и меня просили скорейшим образом приехать. У нее с катастрофической быстротой развивалась саркома легких, неоперабельный рак в четвертой стадии, и он уже прокладывает путь к другим органам, поползли метастазы ниже, в область печени. Она подозревала о болезни, но не подавала признаков беспокойства, с изнеможенным от болей телом она делала вид, что ничего серьезного не происходит.

В онкологическом диспансере на рентгеновском снимке я наглядно убедился, на что похожи ее легкие — на куски сырой тряпки, изъеденной молью. Она вздох глотала воздух, ей надо было дышать, дышать с частотой спринтера, чтобы наполнить свои легкие, чтобы унять истерический кашель. Резиновый шарик, смятый, лопнувший, как ни пытайся его надуть, не получится. Протянуть год или полгода, но даже на это никто вам не даст гарантии.

Случается, что Бог укладывает нас на спину, чтобы мы хоть изредка любовались небом. Болезни, как тени, они следуют с нами, доглядывают, дабы

не заходили мы слишком далеко в устремлениях своих, они ограничивают пространство нашей вечности. Почему у нас нет гарантии на собственную жизнь? Но многие из нас ровно стоят на ногах, они слышат море и видят небо, зачем им ложиться на землю, зачем заземляется их вектор мечтаний? Ведь это они наше человечество.

После первого курса химиотерапии она стала выглядеть как узник лагерных застенков. Вы не поверите, но по прошествии второго положение значительно улучшилось, исчезли сильные боли, появились волосы и аппетит и желание жить. Вскоре мама уже снова могла ходить до магазина. Ей оставалось жить три недели.

Первая встреча

White won the game by checkmate.

Как обычно, возвращаясь с работы, я заходил проведать маму. Я вообще запрещал ей работать, но дома она маялась и сгорала, как лихо сгорает в тесных копнах сено. Магазин был закрыт, в последнее время она уходила раньше. Иногда я посещал одно заведение, там играли в бильярд и пили пиво, а наливали там даже пятилетним. Я чувствовал себя уставшим, я тогда очень устал, нам всем бывает полезно разрядиться, чтобы удвоить

свой внутренний ресурс.

Немноголюдно, спертый воздух от табачного смога, свет неоновых лампочек и маленький телевизор, висевший под потолком. Присев за угловой столик, залитый отблеском клеенчатых обоев, я, повинувшись своим генам, взял себе кружку пива и решил разыграться на бильярде. Но войдя в зал, обнаружил лишь одинокие отполированные столы из мореного дуба. Подобрал себе кий, я выложил шары и разбил пирамиду. Шары беспорядочно пришли в движение, сталкиваясь и разлетаясь, они бились о борта, но не залетали в заветную лузу. Обойдя периметр стола и избрав огневую точку, я артиллерийским выстрелом отправил белотелый подшипник прямо в цель.

— Отличный удар! — послышался восхищенный голос позади меня. — Удар профессионала, не иначе. Наверно, частенько играете?

Я, как глупая панда, сижу за школьной партой, вонзившись большим копчиком в фанерный стул и конъюнктивитными глазами таращусь на свисающий с потолка эвкалиптовый веник.

— Что, простите? — Я вальяжно повернулся к вошедшему.

— Я говорю, что играть одному довольно забавно. — Он смотрел мне прямо в глаза. — Не правда ли, а бить по одним воротам намного

проще? Если к тому же они еще и пустые. Олег. Это мое имя. — Мужчина протянул мне руку.

— Денис. — Послушно подчинился я.

Я знал сарматское изречение: «Руку, которую еще не собираешься отрубить, нужно целовать».

— Что означает ваше имя? Ведь имена всегда что-нибудь означают.

— Не помню точно, но вроде бы с греческого Денис — «принадлежащий богу природы и веселья».

— Сто человек из ста скажут, что я заблуждаюсь, это их право, но я не верю, что имена определяют судьбу своего обладателя. Признаки различия, фамильные титулы, мне безразлично кто передо мной стоит: князь или мещанин. Все люди одинаковы, для чего вы придумываете из себя подобия богов важных? Что это еще за язычество такое?

— Меня так называли родители.

— У вас там родственников нет. Все ваши инициалы это лишь символы на табличке, они обозначают место на кладбище. Вы пока еще живы, так зачем вам номер? Человеку имя, как мертвецу цветы. А по живым я панихиду петь не буду.

Спутанные волосы прикрывали лицо Олега, его серо-голубые глаза и еле заметный, почти уже сошедший синяк. Одет он был, мягко выражаясь, не совсем опрятно, будто проснулся в темном

курятнике на соломенном настиле. Походка соответствовала его мятым штанам с бесчисленными складками и затертыми швами, они постоянно сползали, а он их подтягивал, но они все равно сползали. На нем была футболка в нечетных пятнах и черные кеды на голую ногу. Не понимаю, как можно ходить без носок? И не холодно же.

— Там на футболке. — Показываю ему. — Губная помада.

— Где? — Он начал задирать и рассматривать свою футболку.

— Чуть выше, где шея начинается.

— Это не помада. Это кровь.

— Кровь? Чья кровь? — И зачем мне было это знать? Я иногда спрошу что-нибудь и сам потом удивляюсь, зачем спрашивал?

— Вот эта, моя. — Он довольно посмотрел на рукав. — А эта — нет. Так я впервые повстречал Олега. Он предложил составить мне компанию и потренироваться в игре, констатировав тот факт, что данный вид спорта для него совершенно не знаком. Он знал русский язык, русскую рулетку и русского бога, но не знал русский бильярд.

Я заново собрал все шары в треугольник и предоставил ему право первого хода, право стрелять первым, все как на дуэли. Дуэль — это тоже игра, только, по существу, и не всегда знаешь, чем она закончится.

Бильярд вырабатывает у человека такие качества характера, как психологическая устойчивость, выдержка, умение сосредотачиваться и сдерживать свои эмоции, это называется терпением.

— В бильярде, как и в жизни, очень важно терпение.

— Терпение? Это слово мне знакомо, оно как-то связано с платным туалетом возле метро. Гарде! — Он приготовился. — Я объявляю о нападении.

И его шар умудрился выскочить за пределы двенадцатифутового зеленого ринга. В музыке кикс — срыв звука голоса на высокой ноте, а в бильярде это просто неудачный удар.

Действительно, игрок из него неважный, — подумал я, подготовившись к ответному действию. Мощным толчком, я ударил в самый центр скопления шаров. От столкновения они разбежались в разные стороны, как тараканы по кухонным щелям, и один тем не менее смог влететь в угловое отверстие. Последующий мой удар был в корне безрезультатным.

— По какому шару будешь бить? — спрашиваю я.

— Лучше не выбирать. Сразу после того как ты сделаешь свой выбор, у тебя исчезнет любая дальнейшая возможность.

— Это есть субъективный домысел или общий?

— Это туалет бывает общий. Мне вот интересно, — вдруг сказал Олег громко, чтобы я обратил на него внимание, — прелесть игры зависит от навыков и умения соперника?

— Несомненно, — озадаченно я соглашаюсь. — Если человек, с которым ты соревнуешься намного превосходит тебя, то какой интерес с ним бороться? Можно, конечно, постараться стать таким, как он, но в остальном это только присутствие.

— Значит, играет только один, а второй просто находится в том месте. А это забавно. Чего ты так ищешь? — Вопрос, читаемый в глубине глаза, задан так тихо, что выглядит просто длинной мыслью.

— Я? — Я продолжение чьего-то сна.

— Теперь понятно, почему ты играешь в одиночестве, — проговорил Олег чуть лукаво и, подобно фехтовальщику, каким-то невообразимым выпадом поразил дальнюю от него лузу и сравнял счет. — Взять, к примеру, старого мудреца из Индии, Южной Индии, он живет где-то в деревне Хампи, пьет зеленый чай, курит кальян и почему-то все время молчит, мудрец все-таки. — Олег взял синий бильярдный мелок и потер наконечник кия. — Он передвигает фигуры, искусно

вырезанные его прадедом из клыков Шер-Хана, и переворачивает шахматную доску, имитируя своего противника. Как ты думаешь, почему старик играет в шахматы сам с собой? Может быть, эта игра ему плохо дается, и он не хочет всякий раз проигрывать или, как ты сказал, присутствовать по соседству. А может, он непобедимый игрок и, чтобы оставаться непобедимым, он предпочитает надежное одиночество.

— Почему он играет именно в шахматы? — Я о чем-то задумался и понял только про шахматы.

— А во что мы сейчас играем?

— В бильярд.

— Бильярд — это те же шахматы, только в движении.

— Говорят, что эта игра предполагает своеобразное сочетание математики и поэзии. — Я, наверно, слышал это по какому-то кабельному каналу.

— Для меня это просто палка с мячиками из фенолоальдегидной смолы. — И он продолжил заливать мои уши пчелиным воском и фенольной смолой. — Когда дряхлый мудрец был еще мал и шустр, как Маугли, когда в глазах его еще брэнчала радость, он гулял в джунглях, и уж не знаю, чего он там увидел, льва-людоеда или совокупляющихся лангуров, но он очень испугался.

— Дети они такие ранимые, пугаются по

любому поводу. На меня в день рождения кувшин с кипятком пролили, я потом две недели ни с кем не разговаривал.

— Горячее у тебя вышло празднество. Маугли повезло меньше, от нервного потрясения мальчик с трудом мог выговорить свое имя, а в его замкнутом сознании росло и формировалось нечто страшное и с возрастом привело к раздвоению личности. Теперь он рассматривает всевозможные комбинации и предугадывает ходы своего мнимого соперника, скрытого от посторонних глаз, и ничья его вряд ли устроит.

— А такое может быть?

— В жизни все может быть. — Приятно слышать. — Известный случай расщепления личности произошел с одной молодой француженкой. У нее было две сущности, отличавшиеся друг от друга, как день и ночь. Одна была очень болезненной, робкой, закомплексованной девушкой, а другая — оживленная, кокетливая и уверенная в себе. Переход из одного состояния в другое был не таким уж частым и сопровождался обмороком, после которого она забывала все связанное со своим другим «я». Так, однажды, перейдя в другую свою личность, она с удивлением обнаружила, что беременна и причем уже на девятом месяце.

— Ничего себе, а какова природа этого

явления? Шизофрения? Одержимость?

— Шутка мозга, но не очень веселая. Один из парадоксов нашего сознания. Некий защитный механизм, когда ситуация не поддается контролю, человек может решить, что он больше не он и, следовательно, громоздящиеся на него проблемы его отныне не касаются. Жертвы насилия и жестокого обращения часто переживают слабую форму, но если начинаются психозы, больной уже перестает осознавать себя и происходит подмена личности. Так что игры в шахматы по ролям в некоторых случаях бывают весьма опасными. — Олег посмотрел на бармена за стойкой, разливающего пиво. — Как вода, порождаемая землетрясением, превращается в длинные волны. Но это вода, она легко высыхает.

— Просто невероятно. — И просто, и невероятно.

— Сразу две различные друг от друга точки зрения. У человека должно быть только одно мнение по вопросу, потому что два мнения — это уже личностный раскол. Но вернемся к нашей игре, что ты думаешь о шахматисте?

— Не знаю, допускаю, что ему просто не с кем играть, — неуверенно сказал я, сомневаясь, правильно ли выбран ответ. Что ни говори, а в нашей оговоренной жизни все относительно.

— Возможно, но нет, — отворачиваясь,

четким голосом продиктовал он. — Если, конечно, он никуда не опаздывал.

— А если опаздывал?

— Он так торопился на свидание, что не заметил развалившуюся возле крыльца богоподобную корову с печальными, как ее жизнь, глазами. Он споткнулся о мирно спящее священное животное и переломал себе позвоночный столб.

— Неслабо он спотыкнулся.

— Да они там везде валяются, говорю тебе, на каждом шагу. Теперь прикованный инвалид, как я понимаю, еще и круглый сирота, из-за безысходности своего положения не может найти себе партнера по шахматам, — менторским тоном проговорил Олег и с присущей ему манерой, особо не целясь, забил сразу два шара.

— Мои поздравления, ты лидируешь, — похвально отозвался я, скрывая негодование. — Так почему же он играет один, какая из всех версий тебе ближе?

— Никакая, — стойко ответил Олег. — Я считаю, что старик взаправду сильнейший игрок, только играет он против себя честно. И никто не сравнится с ним, потому что не знает он ни побед, ни поражений, беспристрастно, без стратегии, без предсказуемой логики, каждый его ход ломает любую продуманную тактику соперника, против его прямолинейного штурма не действует защита.

Он, как кузнец, бьет молотом по наковальне — жестко и метко. Он не развращен наградами и не унижен бесчестьем, он сохранил себя в своем одиночестве.

Человек, которого захлестнул азарт или гонка за результатом, становится уязвимым. Кто хочет доказать свое преимущество, тот доказывает свое крушение. Победа порождает ненависть, а побежденный живет в печали, на острове счастья живет спокойный, отказавшийся от всего. Лучшее средство, чтобы не проиграть, — это победить самого себя.

Мат в четыре фигуры, мастер повержен, победили белые.

Superbia

Начало греха.

Олег сильно ударил и с треском вонзил прицельный шар, уверенно, как бы подтверждая свои слова делом. Еще один его шар замер в губах латунной лузы и через мгновение опустился в кожаную сетку. Как шахматист из Хампи, он играл чисто и невинно, словно ребенок огромным колуном разрубающий здоровенные поленья, не боясь ошибиться, не боясь преодолеть.

— Прекрасная игра, Олег. Если бы ты

участвовал в турнирах, то все призы были у тебя. — Ежели потерпел поражение от дилетанта, нужно достойно принять его превосходство, нужно или побеждать, или уметь дружить с победителем.

— Меня не прельщают награды. — Улыбаясь, он обнажил свои зубы. — Все это спортивная фанаберия. По-твоему, одни неполноценны, а другие их превосходят? А мы все сравниваем друг друга, оцениваем, все определяем по достоинству. Какое это сильное чувство — желание удовольствия от собственных успехов. И как ни начать с такого удовольствия себя и поступки свои считать мерилom доброты и примером для подражания. Кто хочет увековечить победу, должен забыть о ней, сразу как одержал верх. Только равноангельный способен внять похвалу без вреда, я унижаю в себе славу.

Забудьте про гравированные дипломы, золотые медали и кубки, мечите все в печь, пусть расплавится тщеславие ваше и высокомерие. Режьте ножницами грамоты свои, режьте мельче на кружочки для конфетти, смеясь, режьте в танце. Скоро бал!

Громоздясь орлом на унитаз,
Он мечтает о вселенской славе.
И, впадая в неземной экстаз,
Взглядом превосходства мир буравит.

Он царю всесветному под стать,
И свою здесь ощущая власть,
Так хотел бы в небо, там летать
И на целый мир с презреньем уповать.
И хоть царь, хоть раб во все века
на клозеты лезят, как на троны,
С задницей простого мужика,
с головою под размер короны.

Гордыня.

Все грехи взаимосвязаны, они поддерживают друг друга, замещают и дополняют. Сделайте заказ сегодня на один грех и получите в подарок еще шесть или семь, но только сейчас и только полный комплект!

Мы присели за столик, усеянный пеплом и сырными крошками, официантка небрежно смахнула сор на линолеумный пол и вытерла мокрые круги от кружек. Олег угостил меня пивом и, обильно жестикулируя, подвел итог проведенного матча.

— Так происходит и по нашей жизни: кто не знает страха, тот не знает разъедающей боли бытия, ты будешь побеждать чемпионов и в тысячи раз будешь мудрее самых мудрых мужей.

— Вот об этом человеке и будет идти речь, —

сказал Денис психологу. — Ко всему, что произошло со мной, самое что ни на есть прямое отношение имеет Олег. Который без особого труда мог прыгнуть в мыслительное постижение и заключить, что древняя шаманская культура мексиканских индейцев обрисована на стене его комнаты, а сородич Маугли воевал в шахматы против какого-то фантома или невидимого ручного демона. Олег мог дать множество вариаций по любой интересующей теме, он расщеплял человека на мельчайшие частицы, выворачивал его наизнанку, как волейбольный мяч, и показывал изнутри то, что ты никогда не видел и даже себе не представлял.

Мы еще долго сидели и разговаривали о всякой ерунде, я никогда не обращал внимания на многие простые вещи, но, с точки зрения его философии, все обретало какой-то иной смысл и значение. Он был схож с художником, писавшим картину жизни, накладывая слой за слоем тонкими масляными мазками одно произведение на другое, и становилось не понятно, что в действительности изображено на холсте — его конечная работа или скрытые под жирным слоем красок предыдущие образы. А законченное полотно — ничто без совокупности первоначальных набросков. «Долго путь от ада к свету, — говорил Олег, — мы достигаем просветления по пути от малого до

великого. Поднеси монету к глазу, и ты ничего не увидишь. В этой великой малости и кроется вся суть». Позднее я хорошо осознал, что он имел в виду. И какой свет ожидать от этой тьмы.

Харон

Не смерти надо бояться, а жизни никчемной.

Александр Константинович что-то записывал, подчеркивал, постукивая по столу шариковой ручкой. Денис бросил взгляд на стоящую рядом приставную к столу тумбу, на которой в форме летающей тарелки лежала чистая хрустальная пепельница. Он достал из кармана распечатанную пачку сигарет и зажигалку.

— Я закурю? — И, не дождавшись ответа, прикурил. Выпуская изо рта тяжелый дым, он повел диалог дальше. — Чем ты занимаешься? — спросил я у Олега.

— Думаю, тем, чем и должен, — ушел он от ответа. — Ты, наверное, подумал, раз я уклонился от ответа, то, скорее всего, я либо наркокурьер, либо убиваю людей. Чаще всего мы лжем, когда совершаем что-то такое, что нам кажется скверным, и боимся признаться в этом. Мне нечего скрывать, но в чем-то ты прав.

— Нет, я совсем так не подумал. А ты

убиваешь?

— Все убивают, — проговорил он равнодушно. — А я придаю их земле.

Как и многие другие, решившие разжиться на безысходной участи людей, Олег работал в похоронном бюро. У него была небольшая контора по изготовлению памятников, гробов и различной ритуальной атрибутики. Мне случалось там побывать, в одном из его сараев, насквозь пропахшем солидолом и древесными опилками, где были собраны все ненужные инструменты, старый велосипед, три лыжные палки и одно сломанное весло. Я тогда понял, почему он называет это место барсучьей норой.

— Почему такая работа? Ведь занятие довольно необычное.

— Не вижу ничего необычного. Ты работаешь с людьми, я работаю с людьми, у меня такие же люди, только мертвые. — Он посмотрел на официантку. — Посмотри на нее, она убирает за всеми серые пепельницы и пустые бутылки, остатки салатов и огрызки с неправильным прикусом, эти отходы она выкидывает в полиэтиленовый мешок, который впоследствии утилизируют, зарыв в землю. Мне не приходится мыть грязной тряпкой облеваный пол, какие еще у нас отличия?

На месте того кладбища, где моя мастерская,

гангрена по телу.

— А сейчас твои родители где?

— В земле. Отец от стоянки к стоянке жил, как спелеолог, как муравей-кочевник, то по бивакам, то по лагерям скитался, так и зачах до моего рождения. — Олег глотнул еще пива. — Да и про мать свою я ничего не знаю, роженица светлого дня в наш атомный век. Появился я раньше положенного срока под покровом небес возле автобусной остановки, насилу вынырнув из мертвой утробы. Тогда уже смерть за мной семенила, странное дело, смерть дверью ошиблась да и забрала с собой мать мою вместо меня. Просыпался каждый день и думал только о той, что сиротой меня оставила. А когда смерти в глаза заглянул, то понял, что не ее надо бояться, а жизни пустой. И видишь, сам к ней в помощники нанялся, клиентуру теперь в срок поставляю вроде того перевозчика душ умерших по водам подземных рек в царство Аидово.

— А кто же тогда тебя растил?

— Медведи.

— Что еще за медведи? — Не понял я.

— Олимпийские. Теперь понял.

— А я в детстве лягушку из земли отрыл, — говорю ему, пока он слушает, — а потом узнал, что они сами в норы заползают, представляешь, объедаются там всяких червей, вырастают, как

слоны, и выбраться не могут, поражаюсь просто. И что они там все это время делают, спят что ли или сидят, пока не умрут?

— Эка невидаль, сидят себе и сидят, тебе какая разница, может, им нравится в земле сидеть. Ничего поразительного, мы сами от них мало чем отличаемся, нор себе понаделаем, сидим в них, согнувшись, спим, едим и в них же умираем. Я что-то подобное слышал, но там про жабу было.

— А в чем разница?

— В образе жизни. Это жабы преимущественно червячками питаются и личинками, а лягушки предпочитают в своем рационе летающих в воздухе насекомых. Но репутация у них одна, не очень чистая.

— И размером они еще отличаются. — Были у меня подозрения на этот счет. — Жабы огромные такие и поэтому они не прыгают, а ползают. Тяжело им прыгать с таким весом.

— Жабы не ползают, а ходят. — Олег задумался. — А я не помню своего детства. Я знаю, что оно у меня было, но я все равно его не помню. Знаю про мать, про отца, а если подумать, то откуда я это знаю, если я их никогда не видел? Я не помню себя в прошлом, его для меня нет. А, возможно, и меня нет.

— Похоже на явный абсурд.

— Абсурдное выражение внешне не является

противоречивым, но из которого все-таки может быть выведено противоречие.

— Как это стоит понимать? — Чересчур запутанно.

— Ну, скажем, в высказывании «Александр Македонский был сыном бездетных родителей» есть только утверждение, но нет отрицания и, соответственно, нет откровенного противоречия. Но ведь ясно, что из этого вытекает очевидное противоречие: некоторые родители имеют детей и вместе с тем не имеют их. Вообще, мое рождение и рождение как явление превосходит все законы природы. А твои родители еще живы?

— Только мать, у нее очень серьезная болезнь, а отец попал под машину.

— Иногда под машины не попадают, иногда под них бросаются.

— Бросаются? Зачем?

— Чтобы остаться в одиночестве. А ты единственный ребенок?

— Да... вроде.

— Ну вот и хорошо.

Из-за незаметно пришедших посетителей помещение было пропитано углекислым газом и копотью, нависший над столиками туман был не особо заметен привыкшим глазом, но прекрасно оседал на моих застоявшихся бронхах, он сдавливал грудь, выжимая из меня последние молекулы

кислорода. С рождения я страдал острыми астматическими приступами, это происходит из-за спазмов гладкой мускулатуры бронхов.

— Так зачем же вы курите, если страдаете таким недугом? — выплеснул открытый упрек Мирский. — Вы же сами говорили, что ведете подобающий образ жизни?

— От болезни я чудесным образом излечился, — мягко ответил Денис, прикуривая сигарету. Он встал с кресла, подошел к окну, выпустил порцию ядовитого дыма и выкинул окурок в раскрытую фрамугу. — Я продолжу?

Теперь когда ты видишь пятно, ты уже понимаешь, что это не пролитое вино, не клюквенный сок и не кровь, это просто пятно, а растянутая ширинка, может быть сломанной и не ширинкой вовсе. Не надо искать смысл там, где его нет. Все это лишь следы нашего пути, пути без смысла, пути без пути.

Я достал ингалятор, сделал несколько глубоких вдохов и мне стало намного легче.

— Ты как? — озабоченно спросил Олег.

— Мне уже лучше, все нормально, — пробормотал я, с трудом проговаривая слова. — Со мной все в порядке.

— Можно сообщить всем, что с тобой все в порядке, и оказаться правым — через три минуты тебя может не стать. Один вопрос: а чтобы ты

делал, если бы у тебя не было при себе ингалятора, кряхтел и катался по полу?

— Постарался бы позвать на помощь, — ответил я первое, что пришло мне на ум.

Внезапно Олег вспомнил, что у него предстоит очень важная встреча с каким-то человеком.

— Приступ можно купировать подкожными инъекциями эфедрина в сочетании с папаверином, димедролом или супрастином, — поучительно произнес он. — В следующий раз я непременно так и сделаю, ну все, мне пора.

— Знаешь, Олег, ты очень интересный человек. — Предчувствуя завершение беседы.

— Правда? — иронично сказал он. — А знаешь, что эфирные масла можжевельника благоприятно воздействуют на верхние дыхательные пути, а раньше из него делали саркофаги?

— Нет. Я не знал.

— А сейчас можжевельник используют для изготовления гробов.

— Дорого?

— Очень. Вот мой номер телефона, если что, обращайся. — Олег кинул на стол оборванный клочок бумаги с накарябанными на нем цифрами. — Мое почтение.

Он махнул жилистой рукой, развернулся и

своей неповторимой походкой исчез за дверь.

Не каждый день встречаешь подобных людей. Я был в удивлении и смятении разом, чувство такое амбивалентное. Когда ты привык вытирать лицо своим любимым махровым полотенцем, а потом вдруг обнаруживаешь, что им до тебя уже вытирали ноги — мягкое удивление и сухое беспокойство, вот такое сложное двойственное переживание. Он был очень странным, и эта его потрясающая странность очень притягивала. Что-то в нем было такое, не знаю что, но такое, что просто не объяснить словами. И я увидел на своем горизонте дым.

Рассвет

Без эпитафии.

Резкий порыв ветра распахнул приоткрытое окно. По стеклам постучали капли, чуть слышно, чуть робко и тут же принялся дождь — оживленней, настойчивей опускался к почве, в следы затекая, в раскрытую ладонь. Ветки ломались, листья вздымались, кружились, плясали, свежие и мягкие опрятно ложились на лужи и медленно утопали, почерневшие и потрепанные падали под ноги прохожим. Вот и ветер уже смолкает, со стен домов сползают прилипшие

оранжевые ласточки, веет землей, влагой, влажной землей, запах рябины, резеды, прорастающей из-под каймы, а выше, откуда-то издалека, из самого теплого окна доносится липовый цвет и сладковатый жасмин. Ветер таял в природном великолепии, исчезал, ломаясь в ромбах радужной призмы. Мы так мало замечаем и так много говорим.

— Люди однообразны, с их лицами и речами они едва мелькают в жизни и слишком привычны для запоминания, — говорил Денис, щурясь в окно. — Но есть и другие, они совсем другие, они мертво цепляются в память.

Денис рассказывал про девушку, которая ему очень нравилась. Она несколько раз в неделю работала в магазине, убирала мусор, вытирала пыль с лотков, расклеивала ценники, а когда мама уже не смогла справиться, ей пришлось торговать без выходных. Он любил смотреть на нее, как она двигается, как разговаривает с покупателями, всегда с милой улыбкой, и не важно, подметала ли она листья или за ночь наваливший у дверей снег, так радовалась она довольным взглядам и так, по-детски, опустив глаза, смущалась, и была до тонкостей прекрасна.

— Ее зовут Оксана, сколько раз я повторял ее имя, сколько раз повторял, повторял, я повторял... Я очень стеснялся к ней подойти и заговорить.

Сколько раз я перед сном вспоминал ее лицо, шею, невинный и такой нежный голос и бледно-розовую от смущения кожу, завивающиеся на хрупких плечах каштановые локоны, я вспоминал, но ничего не мог сделать. Для меня этот клад был закрыт, спрятан где-то недостижимо глубоко, поэтому мои чувства накапливались во мне и только во мне. Я сотню раз проходил мимо, натываясь на ее взгляд, но не мог вымолвить ни слова.

Денис остановился, Александр Константинович поправил замятый край манжета.

— Вы просто боялись, что вам откажут во взаимности.

— Я люблю ее образ, я люблю ее всю и свою любовь к ней. Я способен дарить ей заботу и ласку свою, и время, я готов отдать ей все.

Мы влюбляемся почти во всех, кто проявляет к нам интерес. Морщимся, визжим от изобилия, обольщаемся, притворяемся, купаемся в вареве, взрывая кожу опечаленным сердцем.

— Жить в простом понимании того, что ты кому-то нужен и необходим. Но любовь без жертвы — лишь желание обладать.

— Я знаю, что люблю, но люди, которые по-настоящему любят, всегда заставляют друг друга страдать. Не помню точно, но кто-то сказал, что никакой, даже самый строгий закон, защищающий свободу слова, не может защитить

человека, который умышленно крикнет «Пожар!» в переполненном театре и вызовет панику.

— Не совсем понимаю, какое это имеет отношение к тому, о чем мы сейчас говорим?

— Сбивание с толку, плавный уход от проблемы, забывчивость или смена орудий — это тоже способы убеждения.

— Скрыть свои мысли и запутать чужие — это ваш способ?

— Любовь, она как солнечные брызги, она как пожар, мой способ — это поджог.

В том сердце еще не было шума, оно сжималось, как резиновая клизма, и разжималось кумачовой струйкой, не было крика, пока не было, пока я не выпил раскаленной лавы.

Денис встал, подошел к умывальнику, протер свои покрасневшие глаза и освежил лицо.

— Предчувствие боли зачастую мучительнее ее самой. Мне позвонила мама, она просила приехать, в тот день был большой завоз товара, надо было выгрузить и разместить его на складе магазина. Она выглядела бодро, весело говорила и всегда смеялась, но в глазах было что-то неестественное, будто она ожидала чего-то. Ты смотришь в глаза открытые и понимаешь, что они уже давно закрылись. Я быстро все сделал и пошел в ателье забрать ее осеннее пальто с отремонтированной молнией и новенькими

пуговицами на воротнике.

— Вы жили вместе?

— Да, в своем доме, дом был хоть старый, но там очень хорошо, газовое отопление, колодец и много кустов облепихи. — Непродолжительная тишина, трудные воспоминания, потерявшиеся в закоулках памяти. — Дома я не находил себе места, какая-то сила тянула меня назад. Увидел я ее только ночью в реанимационном отделении. В больницу маму доставили с ножевым ранением прямо из нашего магазина. В ее организме обнаружили огромную дозу снотворных и обезболивающих препаратов, как сказал врач, она вряд ли что-то чувствовала в тот момент и едва ориентировалась, потому дозировка люминала была очень большая. Я всегда думал...

Еще утомленнее звучала его интонация, еще ниже.

— Я думал, что люди склонны к преувеличениям и все обстоит намного проще. Теперь я так не думаю, я точно знаю, что дальше бывает только хуже. Я был Алисой в стране чудес, все мне казалось меньше, чем есть на самом деле, даже сам себе казался я карликом. С приходом темноты я закрывал глаза, закрывал уши и исчезал. И вот я впервые в жизни столкнулся с реальностью. Сомнения и слабость уже тогда созревали меня, уже тогда моя кровь была отравлена неверием, и

априори случайный обломок — я.

Хирург, проводивший операцию, объяснил мне, что лезвие прошло рядом с сердцем и пробило легкое. Воздух с кровью выкачали из плевральной полости, но внутреннее кровотечение возобновилось, легкое невозможно было расправить, пришлось осуществить торакотомию и вырезать поврежденную часть. В данный момент положение стабилизировалось, но было потеряно много крови, слишком много. Теперь она лежала в коме и ничего уже не могла сделать, вообще ничего, и я ничего не мог.

Я просидел с ней всю ночь, она так и не приходила в сознание. Я проклинал человека, который сделал такое, казнил себя, что не был рядом и не предотвратил. Я молил Бога, чтобы она только осталась жива. Упиваясь болью нескончаемой чашей вины, я плавился в бурлящей кислоте, я кричал, кричал от отчаянья, раздирая горло до крови, до кровохарканья, но меня никто не слышал, мой голос проваливался в пропасть, утопая в глубине бессилия.

Опять спад и снова подъем на убывание, и утихшая ненадолго тоска вновь появляется и распирает грудь с еще большей силой, ты проходишь через спираль бесконечно виток за витком по адской пружине времени, то сжимая, то разжимая ее, пока она не вырастет тебе в лицо и не

станет частью тебя.

Под утро я уже засыпал, от усталости мои веки наливались плотной ртутью, не в силах сдержать груз, я погрузился в объятия сна. Солнце медленно выходило из потемок, становясь все ярче и теплее, море ванильного света наплывало на землю, отражаясь в камнях и деревьях, пахло сыростью и грибами, роса чистая, прозрачная переливалась в лучах рассвета. Очнувшись, я увидел, как мама смотрит сквозь редкие ресницы на последний в ее жизни рассвет, последний громкий вздох. Скупая слеза вытекла из ее глаза, прокатилась по щеке и впиталась в кожу. Без нее мир стал пустым и ненужным. Она всегда боялась конца света, а умерла с его началом.

Вторая встреча

Requiescat in pace.

Мои рефлексy угасли, воля атрофировалась, сердце мое от меня отказалось, я опоздал, я уничтожен. Меня оторвали от груди, я не защищен, я еще не готов, верните назад, верните мне время!

Я проснулся, все оставалось как прежде. Устав от дикой клоунады моего разума, я попытался успокоиться и найти ответ на уже назревший исконно-русский вопрос: что, черт

возьми, мне теперь делать? Один вопрос и ни одного ответа. И тут сквозь паутину мыслей проникло мельхиоровое озарение, мне вспомнилось о недавнем знакомстве с Олегом и его роде деятельности. Я бросился искать телефонный номер, но звонить не торопился, а скорее, не решался. Я старался больше не думать ни о чем, но я думал, я думал и топил затертые телефонные кнопки. Олег сразу взял трубку и с безмятежностью индийской коровы засыпающим голосом ответил: «Кто-то из великих, а именно Генрих Гейне, говорил, что острить, звонить и занимать деньги нужно внезапно». И вопреки всем моим ожиданиям, он без излишних рассуждений предложил встретиться. Все оказалось как-то просто, а как еще могло быть? Гейне, вероятно, умел внезапно острить и занимать деньги, но чтобы звонить по телефону, ему надо было хотя бы дожить до этого удивительного изобретения.

Так я во второй раз повстречал Олега. Мое несчастье он расценивал иначе — как для меня это чашоба злая и мрачная, так для него это работа, напоенная чернорысным комизмом и помещичьим подхалимажем. Ведь люди, которые обращаются к нему за помощью, прежде всего являются его заказчиками, они источник его доходов, проще говоря, он не чувствовал того, что чувствовал я. А пока люди умирают, а умирают люди почему-то

всегда, он будет при деле. Смерть и деньги — всегда рядом.

Тем временем Олег был занят организацией предстоящей церемонии. Меня поражала его манера общаться, влиять на людей, все у него чересчур складно выходило. И нити в моей душе начали соединяться, и все, что мерещилось мне мрачным и безнадежным, все медленно растворялось. Он всегда знал, что ему делать, он знал все, только знал он как-то по-своему, с какой-то преломленной башни наблюдал он за жизнью. Я бы не сказал, что его выводы были лишены здравого смысла, но они носили слегка выраженный, извращенный характер. То, что вы привыкли видеть обычным, и ваши предки, и предки ваших предков видели обычным, — он это видел под другим ракурсом. Углы его зрения многообразно менялись, но, смотря в зеркало, он видел только зеркало. Олег разрушал привычные истины на твоих глазах, разбивал их и высмеивал. И все его рассуждения были наполнены чувством идейной бессмысленности и искаженной правды. Он был неожиданным и непривычным, он противоречил исходным посылкам и общепринятому традиционному взгляду, он вызывал одновременно несколько противоположных чувств.

— Простите, вы не сказали, где вы с ним

встретились? — Александр Константинович не хотел упустить важного. А понять, что есть важное, можно лишь из неважного.

Денис не стал отвечать, а с компостированной твердостью следовал собственному сценарию.

— Олег говорил, что надо смотреть на жизнь проще.

— На жизнь? — не расслышав, переспросил Мирский.

— На жизнь и смерть.

Он был сокровищницей информации, в нем находились непознанные залежи знаний древних племен, которые вечно будут искать золотоискатели, добывая на истощавших приисках желтый песок. И никогда они не найдут, пока не поднимут свои песчаные глаза к небу. Кто видит слишком далеко неспокоен сердцем, не печалься же ни о чем заранее и не радуйся тому, чего еще нет.

— Тебе надо смотреть на жизнь проще, на жизнь и на смерть, — говорит Олег.

— Чью смерть? — уточняю я, вопрошая.

— Свою, мою, чью-то, смерть всех касается и для всех одна.

— И как мне надо на нее смотреть?

— Как в зеркало. — Словно пером по воде провел он. Как вижу то прикосновение, но не знакомо мне, чье то перо? — Знаешь, какой главный отличительный признак носорогов? Не

надо сейчас делать умный вид, носороги они потому, что у них рога на носу. Воспринимай все так, как оно есть. Когда ты смотришь в зеркало, что ты видишь?

— Я вижу себя. А ты кого-то еще в нем видишь?

— Я вижу зеркало, а тебе мешает увидеть его свое отражение. Ты ничего за собой не увидишь. Кстати, ты часто лжешь?

— Я не знаю. — Я правда не знаю.

— Это хорошо. Это хорошо, что человечество начинает задумываться, но жаль, что лишь тогда по-настоящему, когда находится у последней черты. У тебя может быть перспективная работа, автомобили в гараже, приличное окружение, терпеливая невеста с респектабельной квартирой. Только вот и на топор тень дерева падает. В твоём организме врачи обнаруживают злокачественную опухоль, нещадно пожирающую плоть, как нам всем известно, такое бывает. Теперь тебе ничего не остается, кроме как попрощаться с прошлой жизнью и доживать в свежайших ощущениях. И приветствовать свою новую жизнь! Жизнь за счет лучевой терапии, гемодиализа и таблеток для животных. Слушай меня, теперь ты наверху! Ты, дошедший до предела, ибо ты уже выше, я воззову к тебе у подножия! Ты относишься к смерти спокойно, потому что уже преодолел свой

психологический барьер, а значит, и саму смерть. Только храбрец поступает как храбрец, не задумываясь о последствиях, в отличие от тех, кто боится быть захваченными врасплох. Вот чего боятся они, боятся умереть сейчас, ведь столько придется оставить.

«Может, все-таки пора заканчивать эти рассуждения? Не пора». И он продолжил вкусно обсказывать.

— Все мы стоим в очереди к смерти, я же хочу попасть к ней без очереди, не оправдываясь долгом, почетом и прочей пестрой мишурой, я принимаю смерть как неизбежность. И безразличны мне прочие и каждые, и пусть думают они, что хотят, и пусть надеются на вечность и на благодатный сон, и эта надежда есть источник их великой тревоги. И не остается другого выбора, как одним помочь проснуться, а другим помочь уснуть.

Мы на каждом шагу сталкиваемся с напоминаниями, но мы все такие же расточители, ждущие своего времени. Но наше время для нас не наступит. И даже не можем мы умереть вовремя, поскольку вовремя мы не живем. Мы можем только благополучно обманывать себя, рассчитывая на духовные дивиденды, и заржаветь в земле. Там, где всегда темно, там глаза ни к чему. Да, люди как слепые рыбы в подземных озерах — так мы пытаемся нащупать легкое течение к свободе. Но

свобода больше не любит нас, она пятится от нас. Теперь мы просим своих ненавязчивых богов дать нам шанс и отдали бы все золото мира, чтобы вернуть просыпанное нами время и все изменить. Смотря сейчас на свою пролетевшую жизнь, мы понимаем, что ничего уже не вернуть и ничего не исправить. И мы сдохнем, оставляя о себе лишь иллюзию вечной памяти и скорби. Requiem aeternam.

Гвозди

Мертвые к живым не ходят.

Человек, как известно, единственное существо, сознательно хоронящее себе подобных. Животные этого не делают, потому как они не способны осознавать ни себя, ни скоротечности времени, а значит, не могут осмыслить неотвратимость смерти. Ни одна обрядность не знает такого разнообразия традиций, как всем неприятные похороны. Более того, видимо, это единственный современный обряд, который до сих пор не утратил своего сакрального смысла. Ведь смерть слишком серьезна, чтобы подходить к ней безвкусно.

— Не знаю с чего начать, но точно знаю, не сначала. — Как-то на выдохе произнес Денис,

словно позабыл о чем он говорил.

— Я понимаю, что вам заново приходится проживать то болезненное для вас время. — Врезался Мирский. — Постарайтесь успокоиться.

— Я спокоен. — Проваливаясь в прошлое, опираясь на обгоревшие обрывки памяти. Прошлое не мертво, ведь оно даже не прошлое, его уже нет, но это еще не самое страшное, его и не было. — Мы достигли пункта назначения. Обычное и необременяющее место, место пристанища мертвых, чистое место будущего воскрешения. Цвета там всегда монотонные, белые днем, черные ночью, обычные краски для обычных людей с таким же обычным, черно-белым мышлением, как у всех. Цвет отвлекает, исчезает смысл внутренней красоты, когда закрываешь глаза, все становится единственным — и глаза, и цвет, и погода. В целом, недостаток красок не портил панорамы, а даже придавал осеннему пейзажу некоторую удаленную строгость. Отощавшие кусты хрустели от беглого ветра, серые воробьи летали низко, попадая в хаотичную карусель кленового листопада, тополиных почек, мха и взвинченной пыли. Истоптанная земля, ведущая к запущенным оградкам, пропитанная слезами тужащих провожателей теперь встречает нового дезертира из мира живых и страждущих. Земля оставалась пустой и неподвижной, но все вокруг находилось в

ритме движения, беспорядочном, броуновском хаосе.

Все стояли и смотрели в последний раз на ее бледное лицо, отражая, как принято в таких случаях, искренние соболезнования. По правде сказать, я там мало кого помнил, потому что мои родственники были слишком заняты собой, они забыли обо мне, о моей матери, они все забыли друг о друге. И нет между нами преград, и не разделяют нас огромные пустыни, океаны и непролазные тропики, мы рядом и все же так далеки. Мы бросаем и забываем, но не отрешаемся.

Наступило долгожданное время прощаться с телом, с самым дорогим мне и пускай только мне. Все корчили проникновенные гримасы, чутко и сердечно слушали, переживали и выражали глубочайший пиетет. У меня выдавливались слезы, как прорезающиеся зубки ребенка, я еле сдерживал себя, сдавливало грудь, что не хотелось дышать, мне было мерзко дышать и противно. Но не будем об этом, вернемся к кульминации, ради чего все собрались. Все ждут, ждут с нетерпением.

Каждый удар отдавался у меня в висках жестким скрежетом, он бил, бил в тамбуры, точно в такт, дикая музыка, девятый удар, сотрясение, заключительный удар и все, крышка закрыта. Все когда-нибудь закрывается и забивается. И сразу отступило, в театре трагедии затихло и водворилось

временное облегчение. Теперь мне хотелось уйти, куда угодно, только подальше от этого шабаша глухих молотков.

Вы никогда не задумывались, зачем это? Я имею в виду все это фиглярство, всю эту нарядную гиль. Чтобы не порывать ход, чтобы состричь все потомственные хвосты, чтобы всем было жутко, чтобы после одной смерти было еще несколько от траурного веселья? Ваши гвозди это страх ваш, страх перед возможным возвращением покойника, предотвращающие его попытки покинуть могилу? А можно как-то контейнировать свои страхи по-другому, без отретушированных образов заснеженных поколений, без пережиточных традиций? Археологи объясняют, что зачастую умерших связывали и посыпали тело красной охрой, ассоциировавшейся с кровью и огнем, иногда их клали в горящий очаг и кремировали, но чаще скончавшихся зарывали в ямы, при этом накладывая на их голову, грудь и ноги камни. Отголоски этих древних представлений мы можем наблюдать и по сей день, их символизируют еловые ветви на последнем пути, которые будут колоть пятки, чтобы усопший не возвратился, и вынос тела вперед ногами, чтобы не смог найти обратную дорогу, и гвозди, забитые в гроб, чтобы не выбрался. И больше перекрытий из широких плит, для верности надо все заложить плитами, это у нас

должно получиться.

Acedia

Это чужое.

Стало нехорошо, я решил уединиться и попытаться ослабить петлю, которая так обжигаяще стискивало мне горло. Кровь была слишком густа, нужно было заставить мое сердце разогнать спящие сгустки по безжизненным сосудам. Я побрел вниз и наткнулся на Олега у обветшалого дерева. Мы шли бесцельно, шли по прошитым корнями тропам, молча, осматривая достопримечательности. Мое молчание было отражением его бессловесности. Но мне уже нельзя было терпеть, терпеть до рези в поджелудочной железе, как звучно, как нудно она подползает к ушам.

— Почему, почему моя жизнь превращается в кошмар? — Бегство без движения, депрессия злоеца, коварная лень, камень, каменный голос. — Я так больше не могу.

— Тогда не упускай возможности и просто убей себя. Не знаю, чего еще посоветовать, прости, сам знаешь, словами всего не скажешь.

— Что? — Я не ожидал от него такой поддержки.

— Краткое известие слабее понимает. А что ты хотел от меня услышать, чтобы я тебя успокаивал? Говорил, что все у тебя образуется, что все будет хорошо. Зачем мне врать. Я же не знаю, будет у тебя все хорошо или нет. Ты думаешь, что это все само собой прекратится, только так не будет. Ничего не закончится, пока ты сам этого не захочешь. У тебя есть пистолет?

— Конечно, нет.

— Я бы дал тебе разок попользоваться, но я с собой тоже не прихватил. — Древний самурай прищурился.

— Не надо мне было начинать этот разговор, тебе это ни к чему выслушивать. — У меня был такой голос, будто я поперхнулся рыбьей костью. — Я хочу уйти, зря я вообще сюда пришел.

— Хотел бы уйти, ушел бы. Гордец, ты думаешь, что один такой, такой самый несчастный, только с одним тобой такое происходит, ни у кого же кроме тебя родственники еще не умирали. Или ты думал, что этого никогда не произойдет? Ты, скорее всего, еще не в курсе, тогда я просто обязан раскрыть тебе тайну — люди время от времени умирают. Давай, продолжай в том же духе и доведи себя до безумства. Можно на зиму впасть в анабиотическую спячку и храпеть из-под одеяла или накачаться второсортным спиртом и удавиться от собственной бесполезности, много чего еще

можно. Возьми себя в руки и продолжай жить дальше! — Встряхнул он меня. — И вообще, хватит кривляться, говори естественно, а то страх прям берет, когда ты так говоришь, слышал бы ты сейчас свой голос.

Уныние.

Олег медленно начал отходить, покидая границы некрополя. Я побрел по его следам, ступая по козьей стежке, удаляясь в лес, ближе к живым.

— Ты идешь!? — крикнул мне Олег не оборачиваясь. — Смотри под ноги, здесь везде какие-то колючки и лягушата повсюду скачут.

Я пригляделся и увидел целую кучу маленьких лягушек, они прыгали везде, путаясь в траве, неуклюже перелезали через упавшие ветки, и настороженно шагая, я старался их не раздавить.

— Да их здесь тьма-тьмущая. — Отпрыгнул я в сторону от затаившейся в густом хвоще жабы, похожей на сказочный темно-зеленый крыжовник.

— Иди за мной, по моим следам, возможно, жертв будет меньше. — Он остановился и повернулся ко мне. — Ты будешь ходить по стопам моим и трижды отречешься от меня, истинно говорю тебе.

— Почему ты так решил, не пойму я?

— Почему? Это уже не имеет значения, я это знаю, а значит, так есть. Ища ответ, всматриваясь вглубь самого вопроса, спроси себя, не что ты

ищешь, а почему ты ищешь? Слушай меня и никому не говори, что слышал.

Олег уводил меня, он уводил меня от переживаний, от моих переживаний, для него, по его словам, все переживания важны, и избегать их то же самое, что избегать саму жизнь.

— Я тебе очень обязан, Олег, не знаю, как бы я один справился.

— Да никаких проблем. И ты мне ничем не обязан, не приведи бог быть мне чем-то обязанным.

Декалог

Помни это!

Мы вышли на опушку, трава там стала выше и яснее. Меня переполняло чувство презрения к этим людям.

— Неужели Бог забыл обо всем, что я для него сделал? — жалобно простонал я, требуя спасения.

— Ну, ты прямо как король Людовик XIV после поражения французской армии при Мальплаке, — засмеялся Олег. — Потому что ты смотришь на Бога, как на своего слугу, который должен тебе повиноваться после каждой тобой выдрессированной просьбы. И что ты мог для него такого сделать?

— Да какой еще Людвиг? — Это говорю я. — Как можно забыть близкого человека? И не чувствовать ничего, кроме бесстыжего самооправдания.

Меня выплюнули на свет, я опять одинок, я всегда одинок. Шквал скомканной шерсти и застоявшегося кошачьего помета погасил мою свечу, а ведь я так бережно хранил и оберегал священный огонь. Я — Иуда. Обидно, когда ты Иуда, а тебя продают как Христа.

— Я думаю, что не стоит так относиться к людям, — гортанным голосом сказал он. — Общество все равно найдет способ оправдаться. Попытайся быть гуманнее, с лояльностью отнесись к людским изъянам и слабостям.

— Но я не понимаю тебя. Разве предательство можно...

— Можно! — прервал меня он. — Ты один, везде и всегда, в небе и на земле, на всем свете, примиришься с этим. И никто тебе не поможет. Только ты и есть Земля, ты — Мир и Свет, ты сам Концепция и Конфессия, ты есть то, что ты есть, и ничего более. Что-то не с того я начал, ты знаешь, что это? — Он сорвал растение чуть меньше метра высотой, с мохнатым пучком верхушечных листьев.

— Это... это, что-то очень знакомое.

— Это собачья крапива, или пустырник. Очень хорошее успокаивающее средство при

повышенной нервной возбудимости.

— Я знал.

— Знал, но не сразу догадался.

— Знал, но не сразу вспомнил.

— Ты просто забыл. У всего есть объем — у воды, у времени, у жизни и памяти. У человека слишком незначительный объем памяти, он есть, но слишком незначительный. Все забывается, все забыто, люди увлечены собой, не хотят они, слышишь, не хотят помнить. Главное, не забыть, где кормушка, а на остальное просто не хватает памяти. Мы все обречены. Пойми, мир летит ко дну с немыслимой скоростью, безвозвратно падает в бездну забвения, люди все забывают, близких родственников, священные каноны, все заветы становятся обрывками прошлогодних газет, пустым отголоском в вечности. Думаю, что завтра я допишу одиннадцатую заповедь, храните вечно ее. Он за три тысячи лет до своего воплощения в виде сына Марии разговаривал с Моисеем из горящего куста в пустыне Мадямской. Предположим, что ты Моисей, это возможно?

— Допустим.

— Теперь вокруг тебя толпа иудеев, они тревожно зрят собачьими глазами в твое блаженное лицо, — протяжно продолжил он. — Ты высоко вознес к хрустальным небесам каменную плиту, где высечена заключительная заповедь, которая просто

и кратко гласит: «Не забывай». Помни, навсегда запомни, храни в своем сердце и никогда не забывай. Помни это, а все остальное забудь. «Помни» — впитай завет. Миллион раз *помни*, после каждого стиха *помни*, после каждого шага *помни* — не забывай. Помни, что тебе снилось, когда проснешься, вспомни, когда заснешь. Сия недостающая запись на скрижалях отсутствует, чтобы я ее вписал — я или кто-то еще. Миф вечен, только пока его помнят, как вечна та реальность, пока есть тот, для кого она существует. А реальность такова, человек эволюционирует, забывая предписанные ему десять речений, а что уж говорить о том, что твоя родня чуть позабыла о существовании твоей матери. Так за что же судить людей, за их неподготовленность или за их неосведомленность?

Чти отца твоего и мать твою.

— Интересная теория, — дослушав, процедил Александр Константинович. А в голове его постепенно возникало нечто футуристическое, совсем не похожее на тихое движение размазанных облаков.

— Все, что он преподносил мне, я вбирал как подкожный клещ, присосавшийся к прошлогодней капле крови.

В шаге от ада

За гранью отчаянья.

Я кое-как добрался домой в забытьи и беспомощности, прокладывая себе путь беспомощным сердцем. У каждого настает то время, когда он начинает плакать. Отказавшись от сна, я заливал слезами тишину, лежа на кровати. Лишь изредка доносящийся шелест занавесок обнажал прозрачное окно — это моя заболевшая душа раскрывала свои ставни, сквозь которые сочился жалостливый свет. Я медленно приподнялся и принялся заполнять пустоту, зарывая в себе свет, рвавшийся наружу к мертвому солнцу. Выпив водки, я налил себе еще, я пил ее с безудержной силой, заглушая боль, убивая в себе память и слабый силуэт сомнения. Чем больше я пил, тем быстрее мне все становилось безразличней. Грусть, усталость и воспоминания одолевали потрепанное сознание, обжигали, оставляя красные следы потертости от петли на шее.

Раздевшись до трусов, я достал из шкафа кожаный ремень от брюк и аккуратно приладил его себе на шею. Расхаживая по комнате с гладким галстуком и заливая зудящую рану, я отбрасывал от себя страшные мысли.

Я подошел к зеркалу полюбоваться своей эксцентричной красотой, то затягивая, то ослабляя

удавку. Мое отвращение ко всему пересилило рассудок, стрелка зашкалила — ты на грани. Я чувствовал себя безответственным младенцем, освободившимся от суеты чужой судьбы, страха жизни и мучений одиночества. Мне хотелось, чтобы огромная, тягостная сила исчезла, ушла прочь. Все решено.

В отражении зеркала я увидел отвратительное, морщинистое лицо старика, смотрящего пустыми глазами, с истощавшими скулами и дрожащими губами, которые хотели, но не могли ничего сказать. Серая лысая голова с худым лицом человека, человека, за всю жизнь не сделавшего ничего, никакого блага, печальный образ ничейной жизни. Я сдавил зажим так сильно, что вены на моей шее и висках вздулись, как поспевшие гороховые стручки, оставалось только зацепить конец ремня за что-нибудь крепкое и поддаться удушающей силе освобождения. Что, собственно, я и сделал. Не ощущая горечи, я выпил еще и прочно закрепил пряжку ремня за проходящую сверху небольшого диаметра трубу в ванной комнате. Кольца сблизилась, застучали, шторы с хрустом съежились. Дернулся в сторону. Мои ноги ослабли и подкосились...

Я увидел своего умершего отца, который так полностью и не сблизился со мной, какой-то едкий дым мешал ему объединить наши родственные

души, навсегда оторванные друг от друга. В то беззаботное детское время, мне шесть или семь лет, когда мы с папой прятались от проливного дождя под густой кроной высокой ели, прижавшись к стволу дерева, он говорил со мной с заботливой добротой в голосе. Я прижался к отцу, пахнущему сырой соломой и сосновыми ветками, мне было так тепло и хорошо. Я не хотел, чтобы дождь останавливался. Вот так стоять, притиснувшись к папе и ощущать неподдельную опеку его и любовь. Дождь стих. Мы шли к дому, обходя лужи и размытую водой грязь, отец держал меня за руку и смотрел на мое мокрое лицо. Прогредел гром, но я не боялся грома, мне тогда ничего не было страшно, потому что рядом со мной был он.

Я видел маму, родную и красивую, собирающую в летнем саду ягоды. Я еще совсем маленький, хожу за ней и улыбаюсь. Она протирает платком самые спелые сливы и дает мне, все так радостно и безмятежно. Мама пела мне песни из моих любимых мультфильмов и рассказывала забавные истории. Мы срывали вишню и смородину, ели и смеялись. Залитое солнцем детское лицо, на мне перепачканная футболка, а во рту вяжущий язык и кисловатый привкус красной смородины. Я смотрел на себя со стороны, наслаждаясь всплеском прошлого времени и благоухания жизни.

Моя душа пробиралась по телу, лениво ползла к голове, она хотела вырваться наружу, но петля не давала ей прохода. Нагревшиеся сухие десна взрывались у меня во рту, горло горело, обжигая в шее душу, я дотянулся до ремня и из последних сил дернул за него. Пряжка вывернулась, не выдержала и треснула от напряжения, кожа на ремне хрустнула и соскользнула вниз. Я сделал нечеловеческое усилие подняться с пола, но мои ноги скользили по кафельной плитке. Попытался еще раз и опять не смог поднять свое грузное тело. Валяясь между ванной и помятой стиральной машиной, я держался руками за обгоревшее горло и поглощал гигантскими глотками воздух, я приходил в себя.

Протрезвев, с грехом пополам я поднялся на ноги и, раскачиваясь в разные стороны, поковылял ближе к кровати. Провалившись в мягкий матрас, я проспал на животе, уткнувшись в слюнявую подушку целые сутки. Очухался я на полу от сковавшего меня озноба, распухшее горло сразу же напомнило мне обо всем. Моя голова была словно старая лампочка, стоит только поднять голову, и нить накаливания стряхнется и звонко разлетится по стеклянной колбе. Спустя мгновение нахлынули хмурые воспоминания и жуткие образы. И я решил спать дальше.

Впоследствии успокаивающее время затерло измазанные болью воспоминания на стенках моей

израненной души, и все постепенно забылось. Лишь иногда всплывало, пробуждалось, и эхом доносился голос извне, а звуки печали и уныния, растревоженные памятью, откуда-то из прошлого. Я оборвал удавку, а не свою жизнь. Но я никогда бы не подумал, что мне придется это повторить. «Тот, кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его снова».¹

Конец

Эта смерть унесет многие жизни, но даст жизнь одну, настоящую.

В пятницу вечером, придя с работы домой, от усталости я повалился спать. Зазвонил телефон, разрывая дрему, вытаскивая меня из карамельной массы. Это был Олег, ему надо было отправиться загород и договориться насчет оптовой закупки древесины по демпинговым ценам. И он предложил вместе провести выходные. Это был конец, конец недели, незапланированная поездка на восьмой день, занимательный поход в неизвестность. Если бы я тогда знал, чем кончится для меня эта неизвестность... «Давай, старина, тебе стоит

¹ Джордж Сантаяна, амер. философ.

немного проветриться, бери с собой только самое необходимое, ну все, до скорого... И еще... хватит дрыхнуть». — И повесил трубку. Мне было тяжело оставаться один на один со своими мыслями и вереницей тяжелых воспоминаний, нужно развеяться и забыть обо всем, вот что мне действительно нужно. И я согласился.

— Скажите, я не слишком болтлив? — настороженно поинтересовался Денис у психолога, ритмично печатая подошвой по паркету. — Мне кажется, что вы меня не всегда понимаете.

— Говорите все, что считаете нужным, очень важно ничего не упустить, — обнадеживающе и тихо пошелестел Александр Константинович. — Как говорится, лишь время улаживает конфликты, но и ему необходимо помогать. Не торопите время и, пожалуйста, продолжайте дальше.

— Проснувшись чуть свет, я быстро собрал вещи и двинулся в путь. Приехав на условленное место, среди коптящих машин и сонных людей, я сразу же увидел Олега рядом с автобусной остановкой. На нем были все в те же потрепанные штаны, как в момент нашей первой встречи, мятая куртка и болтающаяся на плече спортивная сумка, но в этот раз он причесался. Олег сидел на тротуарном бордюре и разговаривал с каким-то низкорослым подзаборником в широкой косоворотке, они беседовали как давние друзья,

встретившиеся после долгой разлуки. Я подошел ближе и окликнул его. Олег развернулся, дал нищему несколько скомканных купюр и поспешил ко мне.

— Это кто? — спросил я из любопытства.

— Ты его тоже видишь? — задал он нелепый вопрос.

— Ну да, вижу, это твой знакомый?

— Это хорошо, что ты его видишь, а то я, грешным делом, подумал, что у меня видения начались. Да бездомный это, я его впервые вижу, — небрежно ответил нищелюбец и прикурил сигарету. — Приятно услужить такому большому человеку.

И чем он показался ему большим?

— Куда едем?

— Не куда, а откуда. — Он, не отвлекаясь, осмотрел автобусы. — Туда.

— Какой наш? — Я окинул взглядом длинную автоколонну. Олег указал назад.

— Да вот же он. — Приглядевшись, он выплюнул сигарету и ринулся бежать, истерически крича и размахивая руками, как крыльями ветряной мельницы. Я побежал вслед за ним.

Автобус медленно ехал по кругу площадки автопарка, готовясь к выезду на главную дорогу. За ним, волоча сумку по земле, несся Олег. Следом плелся я. Перепрыгнув через ровный ряд кустов, он

выскочил на приглаженный газон и упал. Он падал, вскакивал, кувыркался, отплевываясь травой, опять бежал, смеялся и выкрикивал благословения. Срезав путь и выиграв время, он выбежал на дорогу. Дикий, взъерошенный, в песке и репейнике, он встал, раскинув руки в разные стороны, и перегородил проезжую часть. «Стой! Да тормози ты!» — с безумием в глазах заорал Олег. Ошарашенный водитель резко надавил на педаль тормоза и открыл дверь.

«Спасибо, дружище». — Олег прошел в салон. За ним заползла его сумка. Я ввалился следом, одолеваемый жгучей отдышкой, и мне пришлось прибегнуть к уже проверенному медицинскому средству. Осторожно, двери закрываются.

Я попросил его поменяться со мной местами, теперь я сидел у окна. Я с детства люблю сидеть возле окна и смотреть на дорогу, а в электричке на рельсы, еще я люблю ломать сухие деревья в лесу, подстригать ногти, ворошить муравейники и наблюдать из бинокля, только не через окно, а в небо. Выехав на шоссе, мы попали в неприятный затор, автобус рычал, содрогался и скрипел, разрушая озоновый слой. В то время пока наша планета безвозвратно разрушалась, Олег беседовал с двумя пожилыми женщинами, сидящими напротив нас. Они были хоть и пожилые, но возраста неодинакового, и кто из них моложе,

точно сказать я бы не смог. Одна говорила о коммунистах, другая о декабристах, а Олег с выражением читал им стихи, постепенно возбуждая в них воображение и затвердевшие чувства. Но мне кажется, что стихи эти он на ходу сочинял, и как-то коряво у него получалось. Потом от качки он уснул, съезжившись внутри своего теплого гнезда. Во сне он непроизвольно брыкался и не давал покоя нашим соседкам, особенно той, которая чуть старше, которая забыла снять с молодой души своей из фетра пионерский галстук.

Стало немного душновато, пахло горелой резиной и бензиновыми испарениями — неотъемлемыми ингредиентами современного городского круиза. Олег очнулся, выпил минералки и, как сова, завертел головой, оценивая обстановку на трассе.

— Из-за этих пробок мы будем добираться еще месяца два, — непрерывно моргая произнес он. — Если число автомобилей превышает число детских колясок, то у нации нет будущего. Не люблю я эти дороги. — Олег даже в минусе мог раскрыть плюс. — Но и в этом есть свой плюс.

Я закипал от жирного воздуха, теперь и меня клонило ко сну. Но он мне не дал поспать, он мне всегда не давал спать.

— Какой ты тут увидел плюс?

— Защита.

— От кого? — Пытаясь найти подвох в словах.

— От фашистов, — сказал он, посмеиваясь. — Мало ли они опять на Москву вероломно переть вздумают, а тут такое, вот и приехали, поворачивай назад. Им никогда не прорваться сквозь кавалькаду красноглазых светофоров и массовые скопления техники. Вообрази только, какая у супостатов паника затеется, когда мы все в одно время на променад выедем. Да еще столько запутанных знаков выдумали для хронической констипации, здесь кто угодно с ума сойдет, не то что фрицы. У меня от таких мыслей что-то кишечник занервничал.

— Психическая атака.

— Кто овладеет улицей, будет владеть государством. — Олег радостно оборвал цепь рассуждений о трудностях передвижения и государственной безопасности.

— Где-то я уже это слышал, может, от отца.

— Твой отец законченный мазохист, одержимый навязчивыми идеями? Надо быть с тобой поосторожнее.

— Да ничем он не одержимый.

— Это слова главы аппарата пропаганды нацисткой Германии Йозефа Геббельса.

Скоро мы покинули пределы мегаполиса. Прекрасные пейзажи, по обе стороны осины, чуть

глубже березы, кругом низенькие домики с маленькими окошками, огороженные перекошенными заборами, за ними распростерлись поля, холмы, леса, белые озера, бескрайние просторы. Все это, все, что окружает и дальше, дальше, глубже, тянется за оком, вширь, ввысь и отдает с непреодолимой силой, с жизнью, с душой, как это по-русски живо, стройно, как это красиво и духовно. О светло светлая и украсно украшена земля Русская! И многими красотами удивлена еси.

Мы гнали прочь от надоедливого, изъеденного человеками лучезарного города. Автобус, вырвавшись из огненного кольца, почуяв раздолье, понесся по голой трассе. Олег, почувствовав скорость, заерзал и встрепенулся, он был немного возбужден.

— Я сейчас представляю, как мчусь по шоссе, беру один поворот за другим, выжимаю скорость до предела, углубляя педаль акселератора. Сырой асфальт отражается в зеркале, ветер рычит, воеет, как одичавший зверь, мотор оглушает мощью и неистовым звуком, кровь пульсирует, шумит в ушах, кажется, что весь мир лопнет, взорвется от полета. Гореть, сгореть в кислороде, фонтанировать из земли, по жесткой артерии влететь в Междуречье, вихрем влететь во «Врата Бога».

— Очень необычное заявление и как часто ты это представляешь? — Зачем это, вообще,

представлять.

— Подчас представления многое меняют.

— Ты хочешь что-то изменить? Или ты хочешь изменить себя?

— Не совсем. Для изменения своей сущности нужно открытие, а для открытия нужен перелом. Сейчас ты едешь в автобусе, глядишь в окошко, растаяв в изгибе подголовника, и ни о чем не подозреваешь. Что может переменить твою протечную жизнь? Что перевернет твою бытующую реальность?

— И что же? — задал я встречный вопрос.

— В то время, когда ты ни о чем не подозреваешь, происходит сильнейшее потрясение, полностью меняющее твое дальнейшее существование. Из поворота, не сбавляя скорости, вылетает огромных размеров грузовик, окрашенный в цвет зеленых водорослей, грязный, с потрескавшимся лобовым стеклом, а за рулем не совсем трезвый водитель. И гигантский самосвал врзается в автобус, и, выворачивая его наизнанку, откидывает на встречную полосу. От удара твое тело подбрасывает вверх, голова отгибается противоположно туловищу, ты уже лежишь между сиденьями и не можешь подняться, какая-то брюхатая тетка придавила твое лицо к прорезиненному полу. Огонь везде, повсюду, через обшивку пробивается пламя, вспыхивает,

перебрасывается жгучими шарами, смятение, крики, куски мяса, ты кое-как скидываешь с себя женщину, приподымаешься и начинаешь понимать весь этот кошмар целиком. Потом ты, конечно, пытаешься что-то сделать, только ничего делать уже не надо.

— ?

— Да потому что все уже мертвы. Только унылый мужчина средних лет, тихо притаился, зажавшись в угол, и смотрит на тебя. Тебе уже не страшно, только запах противный, из головы медленно расплзается кровь, по шее спускается под футболку, острая боль в спине, потеря сознания, твои ноги обжигает раскаленная лава, ты плавно погружаешься в зыбкий песок.

Очнувшись, перебинтованный, словно египетская мумия, переживший всю прелесть хирургии и искусственных имплантов, ты вдруг прочувствуешь весь ужас происшедшего и очаровательный вкус к жизни. Ты неожиданно вспомнишь ржавый грузовик, взорвавшийся при столкновении, из-за чего куски обшивки кузова вонзились в твой позвоночник. В общей сложности двадцать четыре осколка, сложная операция для неопытного нейрохирурга. И, облизывая треснувшие губы, ты опять вкусишь тот запах горелого мяса, тот солоноватый вкус крови во рту.

— Я что-то не улавливаю твою мысль, —

говорю я. — Я научусь ценить жизнь?

— Именно! Эта автокатастрофа и эта смерть унесет многие жизни, но даст жизнь одну — настоящую. Если ты сможешь правильно принять свое положение, то твое сознание изменится и откроется нечто, нечто такое, что ты никогда бы не познал, если бы всего этого не произошло. Очень важен переломный момент. А если ты примешь другое решение, как тот печальный мужик, который, как и ты, выжил в аварии, то лучше бы ты сразу умер от болевого шока.

— А что с ним? — задаю я естественный вопрос.

— Немногочисленные ожоги и ампутация ступни левой ноги. Теперь он проводит все свое время, отдыхая в психиатрической больнице. Он одет в серую рубаху с рукавами не по росту, и неясно осознает, кто он — человек, уцелевший в катастрофе, или основатель династии Мин, император поднебесной Чжу Юаньчжан.

— Живописно.

И двусмысленно. Повествование человека, пережившего это повествование.

Доверие

Не хочу всего, что надо человеку, я с рождения нечеловек.

Автобус мягко остановился, зашипел, открывая створки автоматических дверей, некоторые пассажиры вышли, среди них были и наши пожилые соседки. Кто-то рокировался, кто-то сошел, кто-то зашел, занимая места предыдущих, ротация и случайные перемешивания привносят в нашу жизнь холодок прорисованного разнообразия. Теперь перед нами сидели две очаровательные девушки. На голове одной, на что нельзя было не обратить внимания, была надета тоненькая вишнево-красная шапочка, украшенная короткими фестонами, она читала книгу, а ее подруга, погруженная в раздумья, поглядывала в окно.

Александр Константинович слушал внимательно, не обрывая. Денис чуть приподнялся, вытянув вперед затекшие ноги.

— Еще двое из вновь прибывших пассажиров оказались ревизорами или контролерами, я не знаю, как точно они называются. Долговязый мужчина предпенсионного возраста с дряблой, свисающей под подбородком кожей и полная оптимизма и лишнего веса дама — разделившись, они проводили проверку. Нам же досталась грозная гарпия. «Служба контроля!» — выкрикнула она, остановившись подле наших мест, отчего Олег очнулся и как-то удивленно оживился при виде сидящих напротив девиц. Одна из девушек, достав

проездной талон, немедленно предъявила его строгой женщине, вторая, в чепчике, напоминающем красный фломастерный колпачок, замешкалась и начала спешно обследовать сумочку. Заерзав и покраснев от стыда, она рассеянно пыталась отыскать злосчастный билет.

— Можно быстрее! — Яростно вырвалось из горла проверяющей дамы, словно ископаемый ящер изрыгнул кислотную струю.

Олег уже догадался, в чем тут дело, и мирно наблюдал за происходящим.

— Она из тайной полиции гестапо? — обратился он ко мне в полголоса. Не совсем удачно, потому что все услышали и обратили на нас взор. — Все молчу, молчу, — пробормотал он и отвернулся.

— Извините, — трепетно, чуть слышно проговорила растерянная девушка. — Я никак не могу его найти, но я... но я его покупала. Он был, был... правда...

— Тогда платите штраф. Или выходите, — грозно, сдвинув к ноздрям надбровные дуги, прошипел ящер.

Ее подружка попыталась заступиться, но сразу же столкнулась с откровенным непониманием. Безразличие окутало все вокруг, покрылось хитиновым покровом, непробиваемым панцирем слепоты и бесчувственности.

— Я вам еще раз повторяю, — неугомонный, свирепый хищник вновь набросился на подраненную жертву. — Вы или платите, или я сейчас же останавливаю автобус.

Дальше еще было много тщетных уговоров, просьб и унижений. Жалостливые всхлипывания и покрасневшие от слез глаза, которые когда-то с таким дрожащим волнением гладили книжные страницы.

— Выходите! — не желая больше ничего слышать, брызнув ядовитой слюной, прохрипела рептилия.

— Никто и никуда отсюда не пойдет, — вступился Олег, шокировав контролера. То ли ему надоел весь этот балаган, то ли просто стало скучно. — И что, это, правда, доставляет удовольствие? — благожелательно осведомился он.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду весь этот цирк. Для чего все это?

— Это моя работа, — жестко прозвучало в ответ.

— Ваша работа мучить людей?

Женщина, вроде, что-то хотела сказать, но только раскрыла рот, выдавив мычание.

— Выискивание чужих грешков в вашем деле важнее сочувствия? А вы не пробовали всмотреться в глубь проблемы, искать причину, а не вину?

Доверие — вам это словечко о чем-нибудь говорит?

— Это говорит...

— Это говорит комплекс недоверия, — Олег остриг ее на полуслове. — Неужели трудно поверить и понять то, что говорит эта беспомощная девушка? Неужели, какой-то долбанный билет стоит всех этих слез и переживаний? А как вам такая картина? — он заглянул ей в глаза так, как будто проник в самую потаенную комнату ее души. — Вы приезжаете вечером домой, а вашего сына еще нет, письменный стол пуст, никто не делает уроки.

Ее глаза сузились. Волнение, неотступный страх, он рядом, растягивая тонкие нервы, притаился и поджидает. Вопрос есть, а ответа нет. Где он? Что могло случиться?

— А вот что! Ваш ребенок, возвращаясь из школы, немного напутал и сел в автобус, который следует по другому, совсем другому маршруту. В итоге он приехал неизвестно куда, в неизвестный ему город, детская психика вспыхнула, как серная головка спички. Он растерялся и плачет, но догадался вернуться домой тем же путем. Дети понимают намного больше, чем мы привыкли думать. Только вот деньги-то потрачены. Войдя в уже знакомый автобус, кондуктор отправил мальчика обратно, потому что у него нет денег на проезд. Ведь у кондуктора такая работа, это ее

работа.

Где-то с передних рядов жалобно захныкал ребенок тоненьким и звонким дискантом. Музыкальная пауза, малыш успокоился, и Олег вновь наступал.

— Теперь мальчик скитается по чужому городу, блуждая в темноте, заплаканные глаза его смотрят только на мелкие камушки асфальта. Грязный, усталый, голодный, ему сейчас холодно, и он вспоминает только о вас. Ваш сын любит вас, вы самый дорогой для него человек, но кондуктор, не разрешивший ему вернуться домой, этого не понимал, ведь это же не ее ребенок. Ну работа есть работа, ничего не поделаешь. Разве можно быть таким бессердечным и черствым человеком по отношению к людям, очень странно, что вы, женщина, не понимаете таких простых вещей.

Олег играл на лучших чувствах людей. Ревизор стояла и слушала, каждое слово обжигало грудь, каждое слово она усыновляла, укладывая в свое уязвимое сердце. Ничего не сказав, она развернулась и хотела было уже уйти, но подошел ее напарник и надменно сухим голосом:

— Что здесь происходит?

— Я еще не закончил, — совершенно не смотря на мужчину произнес Олег.

Она уже не была тем агрессивным, безжалостным хищником, она была женщиной,

матерью, которая могла поверить и всегда простить. Все скрытое в ней, обледеневшее, все, что когда-то блистало, вдруг оттаяло, проснулось, как цветок цикламена. Она повернулась к своему коллеге.

— Пойдем, все нормально. — И направилась к выходу.

— А я бы все-таки взглянул на ваш билет, — все тем же неизменным тембром обратился к нам проверяющий и протянул свою длинную, худую руку.

— Как поживаете? — предупредительно поинтересовался Олег.

— Ваш контрольный билет. — Худая рука вытянулась еще сильнее и стала еще длиннее.

— У меня его нет, — спокойно объявил бесконтрольный пассажир и замотал головой.

— Как это так? — удивился контролер.

— Нет и все. Автобус уехал раньше времени, я не успел его купить.

— Но это не оправдание.

— Для кого-то это не оправдание, а для меня вполне подходящее. Может быть, мне ночевать негде. И вообще, я занят сейчас.

Я сам только сообразил, что в глаза не видел билетов, ни его, ни своего. Беззаботный Олег так непринужденно заступался за девчонок, хотя сам был в такой же ситуации. Я был немного

взволнован. Но только не он.

Все смотрели на нас растерянными глазами в предвкушении разоблачения. Девушки сидели без мыслей, прижавшись друг к другу, женщина-ревизор, объятая материнским чувством, желала только скорее увидеть своего сына, а ее меланхоличный коллега протягивал к нам свою подагрическую руку.

— Ваша ладонь, как грязная ладонь мальчика, просящего подаяния, — неожиданно выстрелил Олег. Мужчина сразу спрятал руку за спину. Женщина съежилась от давления в груди. Я оторопел. Как ему вообще такое приходит в голову? — Этот мальчик еще жив, он может вдыхать воздух, может видеть солнце, тающее в вечернем тумане облаков, в его теле бурлит жизнь, сила, и в грязной покорной руке еще содрогается алая кровь. Но скоро все будет уничтожено. На следующий день эта ладонь станет холодной, окаменелой ладонью мертвеца.

Спокойные глаза Олега вдруг превратились в острый, жгучий взгляд, его мускулы напряглись, как натянутые жгуты, он встал, приблизился к ревизорскому лицу и леденящим шепотом проговорил ему на ухо:

«Он еще жив. Вы... пока еще тоже. Если ты сейчас не уйдешь, я из тебя всю душу вытрясу».

Проверяющий побледнел и стал как бы

меньше ростом, его мозг не принимал таких эпистол, ему хотелось провалиться, вырваться из плетеной коробки. Бездействие и затишье, и всеобщее молчание. Наконец, молчание прервалось остановкой, напарница взяла его под руку и вывела из автобуса.

— Если каждому воздавать по заслугам, кто избежит кнута?² Не приемлю хамства.

Двери закрываются.

В компании с волком

Жизнь и смерть Красной Шапочки.

Двери закрылись и как ни в чем не бывало Олег распростерся в кресле.

— Спасибо вам — тонко сказала девушка, так тонко и бережливо, будто боялась разбудить невидимые на стекле трещинки.

— Нет, не надо, не стесняйте нас благодарностью. Я сам постоянно все теряю — и ключи, и билеты. Помню, как-то имя свое потерял, теперь даже не знаю, как себя называть. Простите великодушно за дерзость мою, но могу ли я узнать, как ваше имя? — галантно приступил Олег. —

² Уильям Шекспир, англ. драматург.

Бьюсь об заклад, что вы его помните.

— Я имя забыл, представляете. — Денис как-то виновато посмотрел на Александра Константиновича. — Капризная вещь эта память, избирательная очень, все помню, все до подробностей: звуки, запахи, мысли, которые думались, а имена забыл. Забыл и забыл, да какой от них прок, от этих имен. У всех нас была одна дорога, и между нами завязался натуральный разговор. Как оказалось, это были не подруги, а двоюродные сестры, и сестры направлялись к своей бабушке.

— Мне вот эта, заплаканная, безбилетница напомнила главную героиню из сказки про Красную Шапочку, я тут читал в литературной обработке Шарля Перро, — сказал мне Олег. — Очень разнится с оригиналом, скажу я тебе.

— В чем же отличие? — Ведь он именно об этом и толкует.

— В фольклорных записях сюжет выглядит где-то так: мать посылает дочь к бабке с молоком и хлебом, та встречает волка и рассказывает ему, куда она, собственно, следует. Серый волк, хотя его окрас пребывает под большим вопросом, обгоняет девочку, убивает бабушку, готовит из ее тела кушанье, а из крови — напиток, он одевается в ее одежду и ложится в кровать. Когда Красная Шапочка приходит, волк предлагает ей поесть

свежеприготовленной еды, да, чуть не забыл, кошка, там была кошка, которая пыталась предупредить ее о том, что та ест бабушкины останки, но волк кидает в кошку деревянными башмаками.

— И убивает ее. — Задумка ясна.

— А как же. Потом волк предлагает девочке раздеться и лечь рядом с ним, а одежду бросить в огонь. Она так и поступает и, улегшись рядом с волком, спрашивает, почему у него так много волос, такие широкие плечи, длинные ногти и большие зубы. На последний вопрос серый разбойник ей отвечает: «Это чтобы поскорее съесть тебя, дитя мое!» И съедает. Таким образом кончается большинство записанных вариантов, но в некоторых доверчивая девочка при помощи хитрости убегает от волка.

— Что-то не верится, что она способна на какую-то хитрость. Ей даже ума не хватило к волку в постель не лезть, кошка поумнее ее будет.

— Умнее, не умнее, а все равно волк ее башмаками прибил.

— Прибил, но не съел.

— Может, ему кошки просто не особенно нравятся, вот ты бы стал есть кошку?

— Нет, я же не волк.

— А если неделю ничего не ел?

— Ну разве что если неделю. — Голод всегда

вызывает страх.

— Вот видишь, значит, волк не такой уж голодный был, конечно, бабкой наелся, — Олег стал говорить еще тише, потому как обе девушки широкоглазые смотрели на то, как мы шепчемся. — Со временем многое изменилось, исчезла из сказки умная кошка, убрался мотив антропофагии³, вместо шаперона, вышедшего из моды, ввелась вызывающая шапочка красного цвета. А главное, у сказки появился нравоучительный смысл, возникнул мотив нарушения девочкой приличий, за которое она поплатилась, а стихотворная мораль наставляла девиц опасаться соблазнительей. Тем самым, хотя грубые натуралистические моменты народной сказки были существенно смягчены, обращение к вопросу взаимоотношения полов было подчеркнуто. Спустя столетие после смерти Перро братьями Гримм был записан другой вариант сказки, который и стал классическим. В тексте исчезли сексуально-окрашенные мотивы, и Красная Шапочка нарушает только волю матери, которая просит дочь идти к бабушке, не отвлекаясь ни на что. Что и послужило предупреждением непослушным детям. Был добавлен хороший конец: проходившие мимо дровосеки, услышав шум,

³ Поедание людьми человеческой плоти.

убивают волка, разрезают ему живот и спасают всех. Этот эпизод был заимствован из другой популярной сказки «Волк и семеро козлят». Там волку распарывают брюхо, заполняют его камнями и зашивают. Волк то ли утонул, то ли сгорел, в общем, все очень пессимистично, как раз для детей.

— Притча про то, как волк соблазнил Красную Шапочку.

— Скорее, обольститель не волк, а она сама.

— Но я одного не понимаю, что это за волк такой, в которого столько мяса влезает? Это не волк, это азиатский слон какой-то.

— А то, что волк человеческим голосом разговаривает, тебя не смущает? Я тебя разогорчу, но слоны травоядные и мясорубка им в хобот не предусматривается, зато они очень хорошо плавают. Но мне слоны не по нраву, зубов почти нет, ходят только по диагонали, при условии, что на пути никого нет и только по своим полям. И голос у них визгливый, напоминает скрежет тормозов и звук хриплого горна.

— Это какие слоны у тебя по диагонали ходят?

— Только шахматные. Слон не конь, вот конь может пойти на любое поле доски, прыгает через любые фигуры, а при атаке от него ничем не прикрыться, просто сказочный жеребец. А вообще, я бы в сказке финал изменил: волк всех съедает и

сам подышает от разрыва желудка. Все мертвы — никакого продолжения, вот и сказочке конец.

— Какой может быть смысл, когда больше никого не осталось?

— Ты забыл еще кое-кого — того, кто читает, — прорезал Олег. — Сам смысл в самом, прикрывающем голову, названии.

— Дело в шляпе?

— В ней самой. — Олег легонько стукнул себя в грудь. — Дело в теле.

— А что в ее теле такого поучительного?

— Из живота появилось и в животе очутилось, — умаявшись выложил он. — Ты можешь поверить в то, что сейчас наш разговор записывают, и все, о чем мы говорим, будет опубликовано в каком-нибудь низкопробном, графоманском чтиве? Давай не будем всенародные секреты раскрывать, пускай сами догадываются.

— А зачем волк сказал, чтобы она одежду сожгла? — задал я последний вопрос.

— Уничтожить улики.

Rendez-vous

Встречный дождь и ветер встречи, и это пошлое слово — жизнь.

Автобус покачнулся и заворчал. За стеклом

мелькнул воздушный змей, хлопнул хвостом и воспарил.

— Так вы говорите, что едете к бабушке? — обратился Олег к девушке в красной шапочке. — Извините, а что вы читаете?

— «Кориолан», это трагедия Шекспира, не читали?

— Я не читаю такую литературу, я от нее спать хочу.

Наша остановка была последней, как и их, как и всех вокруг, все остановки конечные. Пока мы ехали, девушки говорили, что едут навестить свою бабушку, и везли они ей не свежую рыбу, не головку молодого сыра, не пирожок и не горшочек масла, а полную корзину мазей, капель и чудную микстуру. И старушка поправится.

— И мед, — проговорила одна из сестер без головного убора и добавила, — пчелиный.

Я сидел и размышлял, перебирая в голове всех насекомых, птиц, животных, всех, кто мог быть причастен к изготовлению меда, рыб я исключил из списка сразу. Но ни жукам, ни ежам, ни мухам и лягушкам, не по зубам такая работа. Даже один мой знакомый дед-пасечник со звучной фамилией Медоносов, который, гордясь, говаривал, что сам делает натуральный мед, думаю, многое недоговаривал, в одиночку он едва ли смог бы, пусть даже с такой благозвучной фамилией. Я знаю,

что мед можно получать искусственно и без участия пчел, и все же, кто кроме пчел? Кто не пил меда стекающего, густого, ярового, однако видел ли кто лягушачий мед, и есть ли подобный? И подобный есть, если есть пчелиная икра, но все это слишком просто, чтобы это понять. И почему я помню фамилию этого деда? Потому что она ассоциируется у меня с медом или носом, может, с цветами и пчелами?

— Мы все живем ассоциациями, — вдруг обрезал мои раздумья Олег, будто увидел их. — Ты слишком много думаешь. А будешь много думать, — выговорил он липкими словами, — пчелы закусаят.

Несколько раз сестры объясняли Олегу, что они просто сестры, а не медсестры, как он, вероятно, хотел. Его это так удивляло, будто вторые не могут быть первыми и, наоборот-таки, двоюродные сестры, повторял он, могут быть, кем угодно, и патронажными сестрами, и двоюродными медсестрами, и даже варщицами шубного лоскута. Потом они эмоционально щебетали о злополучном билете и о том, как сильно перепугались, когда их хотели высадить.

— Но не высадили же, — сказал Олег и усмехнулся коротким приклеенным смехом.

— А что вы такое сказали контролеру? — спросила Красная Шапочка у волка. Всеобщее

любопытство расщепляет любое терпение, словно коррозия разъедает застаревший кусок металла в сырой земле. — Его чуть удар не хватил.

Олег оглядел всех, а особенно меня, и без тени смущения продекламировал: «Иди. Заставь молчать свой правый гнев и верь: Наступит час возмездья».

— Это же из книги, которую я сейчас читаю. — Поразилась девушка и сжала переплет, лежащей на ее гладких коленках книги.

— Я у вас в книжке подсмотрел, — шутливо сказал Олег, а может, не шутливо, нет, все же шутливо.

— Вам нравится Шекспир? — Вспыхнула она интересом.

— Не знаю, — равнодушно ответил он. — Вы мне намного больше нравитесь.

Олег не терял цепочки разговора, каждое звено он отцеплял, укреплял и вновь присоединял к общей системе, а уже затем пробовал на прочность.

— Вы меня обманываете, — ненарочито выплыло из ее нежных уст. — Но мне очень приятно.

— Как хороши вы и милы в обманутом расположении. — Любвеобильный Олег притягивает, как мощный магнит, заманивает обаянием. — И так прелестны.

Девушка засмушалась переливом слов таких прямых, таких беспощадных. Олег всегда знает, что

делает, он не гадает наперед, он просто понимает, что надо другим, а это немало, он понимает, что надо ему, что еще более немало, он просто знает это, хотя это совсем не просто.

Наш маршрут прервался, все вместе мы вышли из автобуса и решили немного пройтись. Мы гуляли по аллее, задерживаясь возле изогнутых, облезлых скамеек. Бодрое осеннее солнце хоть и не обжигало, зато так радостно дарило полуденный свет. Потом посидели в маленьком кафе прямо под открытым небом, с очень странным названием и еще более странным изображением на вывеске: невиданное животное во всей славной фауне, похожее на самую большую особь белки-лентяи с неимоверно длинными ушами. Как потом высказался владелец этого кафе, развеяв наши страшные подозрения, что это произведение искусства, нарисованное лично им, — вислоухий кролик, которого очень любит его трехлетний сын. А мне показалось, что это какая-то рыжая, с отвисшими ушами жаба в пеньюаре.

Олег встал из-за столика и взял Красную Шапочку за руку, она безропотно приподнялась, не вынимая своей ладони.

— Поднимайтесь. — Он начал вытаскивать нас из кафе. — А к вам у меня особый интерес. — Он прижался ближе к своей избраннице. — Так ты говоришь, тебе нравится британская литература? Я

слышал, что фамилия «Шекспир» может быть переведена с английского, как «потрясающий копьём».

— Каким копьём?

— Я так думаю, метательным.

В паре с другой сестрицей, ну хоть убейте, не помню как ее зовут, мы неторопливо шли за ними. За пригорком членила землю тонкая река бурой, покривленной косой, она была спокойной, с плоским над ней мостом. Олег остановился, как останавливается сапер перед заминированным полем.

— А я мосты люблю, люблю смотреть вниз, на воду, там так тихо, только мягкий шелест.

Он подхватил ее и понес на мост, она изнеженно визгнула, обхватив его шею. Кружа и танцуя, он установил ее посередине моста и, обняв, притиснулся рядышком. Они смотрели, как гладко катится речка, как упавшая ветвь разрезает протечную воду, как плетения словес смешиваются в тиши пологих берегов. Взялся сыпать дождь холодными ресничками, и шелест объединился с шипучим чмоканьем дождинок.

Конечные звенья растянутой цепи ломались, отсоединяясь, одна за другой. Ее сердце забилося сильнее обычного, дыхание сбилось, буквы рассыпались из слогов, слог провалился, оторвавшись от целостного слова, слово вырвалось

из полноценного предложения, смысловая расцветка постепенно изменилась, из всего построения осталась только одна исключительная фраза.

— Мне так с тобой хорошо, я чувствую себя такой... такой...

— Ты всегда можешь на меня положиться, дитя мое. — Это последнее, что я услышал, пока они там ворковали.

А мы стояли на бережку в аморфном состоянии, от ветра на расстоянии дождя, от них на дистанции моста. И начали проясняться общие для всех горизонты.

— Встретимся вечером в отеле! — крикнул он мне.

— Хорошо! Только я не знаю, где он находится.

Он двинулся к нам, Красная Шапочка шла вслед за волком.

— Я опять все забыл. У меня сегодня встреча предстоит немаловажная и мой друг впервые в здешних местах, — произнес он очень быстро, очень сильно, как непереносимое конечное условие, не спрашивая, не разрешая. — Нам надо идти, простите.

И мы расстались так неожиданно и скоро, как и повстречались. Не помню, расстроился я тогда или не очень, но было очень неожиданно и очень

вдруг.

— Еще увидимся? — девий вопрос прозвучал как предложение.

— Конечно же увидимся, — чуть слышно сказал Олег уходящим девушкам уходящим голосом.

Он артистично жонглировал чужими чувствами, он поражал, заставляя восхищаться, сначала доводил до кипения, а потом резко остужал, всегда держа в напряжении подобно иллюзионисту, демонстрирующему захватывающий номер. Кстати, о номерах. Гостиница, в которой нам надлежало остановиться, находилась неподалеку. Все двухместные номера были заняты постояльцами, и нам пришлось поселиться раздельно. У меня был двадцатый номер. Низкое ложе в неглубоком алькове и притаившаяся в углу напольная вешалка, когда на нее вешали одежду она пугающе падала, ударяясь о полукруглое изголовье кровати. Обои, очень яркие обои, на которые было просто невозможно смотреть. Когда Оскар Уайльд помирал в гостиничном номере, он оглядел угасающим взглядом безвкусные обои на стенах и вздохнул: «Они меня убивают. Кому-то из нас придется уйти». Ушел он, обои остались. Но перед тем как уйти мне, я опрокинулся на кровать, естественно, получив по макушке роковой вешалкой.

Олег обещал зайти вечером, но почему-то не зашел. Увидел я его только на следующий день. Я долго-долго стучался в его номер, но никто не откликнулся. Я собрался уже уходить, но вдруг дверь открылась и в коридор вышел Олег, в натуральную величину и с мокрым лицом.

— Я в душе был, не слышал.

Тот, кто никогда не скрывает себя, всегда вызывает возмущение. Стоявшие рядом соседи, а это была сконфуженная чета пенсионеров, чуть не проглотили свои вставные зубы. Дело в том, что из всей одежды на Олеге было только полотенце, висевшее на шее. Через всю его грудь протягивались два широких рубца, похожие на рассечения от сабельного удара. Черные вытатуированные ангелы сияли на предплечьях его, склонив голову, они молились и плакали, обнимая крыльями длинный крест. Я не стал у него спрашивать, откуда эти шрамы и что за татуировки, потому как из комнаты послышался женский голос.

По-видимому, Красная Шапочка все-таки на него положилась, в прямом смысле этого рискованного глагола.

Согласно авторитетным источникам, заповедь «Плодитесь и размножайтесь» была дана, когда население Земли состояло из двух человек.

— Давай, собирайся потихоньку, а я пока провожу подругу, — произнес Олег, не стесняясь

своих неприкрытых гениталий, и закрыл дверь.

Немного перекусив, я погулял в саду у отеля и через полтора часа возвратился за ним.

— Я всегда считал, что уж лучше заниматься любовью, чем войной, это безопаснее. Во всяком случае сначала, — укладывая вещи в сумку, он электризовано рассказывал, как провел ночь, про отношения ни к чему не обязывающей дружбы с заметным оттенком взаимного интереса. — Ты даже не представляешь, что было этой ночью.

— Почему же, представляю, судя по царапине на твоей щеке.

— У нее острые серьги.

— Как она у тебя оказалась? — Я опять почувствовал себя брошенным.

— Ты не поверишь, захожу к себе в номер, а она лежит на кровати, грешно смотрит и сахарную вату облизывает. Как проникла, ума не приложу.

— Неужели?

— Я тоже сначала ни на шутку удивился, но потом вспомнил, что чрезмерное употребление сахара приводит к расстройству психики. Вот и подумал, а может, она потеряла способность управлять своим поведением.

— Хватит уже придумывать, — засмеялся я. — Какая еще вата? Понятно, почему ты вчера так легко с ними распрощался, ты заранее договорился о randevу вечером.

— А ты что не сообразил?

— Я даже как-то и не подумал.

— Будешь теперь думать. Ничего я не договаривался, телефонами обменялись и все. Вообще-то я сам хотел позвонить, а позвонила она, вот это совпадение.

— Как у тебя прошли деловые переговоры?

— Отлично! Ничего не было, все отменилось. Да где же этот ключ?! — Он рылся у себя в карманах, но не находил того, что искал. Из кармана вывалилась какая-то свернутая бумага.

— У тебя там что-то выпало? — Я наклонился и поднял. — Это автобусные билеты.

— Ну да.

— Ты же говорил, что у тебя их нет?

— Говорил. И что из этого?

— Тогда для чего...

— Да вот же он. — Олег пролез через карман в штанину и достал ключ, оставив без внимания мой вопрос. — У меня просто карман порвался.

Заперев дверь, мы медленно спускались по лестнице, я молчал, мне была неприятна его ложь.

— А знаешь, — оборвал затянувшееся молчание Олег, — для чего нужны эти билеты?

Я ничего не говорил, дожидаясь объяснения.

— Это доказательство. Билет нужен для того, чтобы в случае аварии тебе возместили ущерб, только и всего. Если ты, конечно, останешься в

живых.

— Ладно, забудем это, — сказал я. — Как будем возвращаться?

— Автостопом.

Милостыня

Побираться надо с достоинством.

Назад мы добирались на трех машинах. В первой нам попалась длинная женщина в легком имбирном пальто, анарексичными ногами и тусклыми волосами. Олег объяснял ей дорогу и порывался сесть за руль, прыгая на переднем сидении. Следующую треть пути мы преодолели на новенькой иномарке, слушая анекдотические истории нашего водителя. Весельчак успевал разговаривать по телефону, слушать музыку, бесконечно курить и, захлебываясь от смеха, рассказывать курьезы своей бешеной молодости. А затем мы вновь голосовали, стоя на грязной обочине. Но никто не останавливался.

Кто оказывает услугу, покидающий водитель уставшему пешеходу, подвозя его на несколько километров к родному чулану, или услуга самому водителю, сделать хоть раз что-то бесплатно? Когда же счетчики ваши в глазах погаснут, когда же вы разобьете свои заляпаные копилки и остановите у

ног моих просторные челноки свои?

Поток пронесившихся машин, брызги из-под колес, как поток слез, игнорирующие нас люди и всклокоченный Олег, который без передышки мог добежать до Мурманска и обратно, я поменял теплую квартиру, удобный диван, вкусный ужин, горячий чай с долькой лимона на скитание под зернами града. Скитание — только это одно и происходит со мной. Я продрог и приуныл. Стоять, протягивая руку на замерзшей грядке, и провожать медленно гаснущим взглядом мчащихся людей, не желающих становится героями. «Мы же даем вам шанс! — кричал Олег вслед равнодушным водителям. — Шанс все изменить. Помочь! Стать лучше! Такое ведь бывает раз в жизни!»

Вот так, наверное, люди когда-то ожидали спасителя. Когда-то и давным-давно, а в наше время мессии сами умело распинают.

— Проще машину угнать, — промямлил Олег.

— Что угнать?

— Конный экипаж или гужевую повозку, любое средство передвижения.

— Давай как-нибудь в другой раз.

— Да, ты прав, угоним вместе.

Мы шли вдоль шоссе и молчали, будто сироты, прося подаяния. И перед нами встал огромный грузовик, окрашенный в цвет морских водорослей. Он был грязный и ржавый, словно

простоял тридцать лет на тридцати метрах в болоте, гния в метановых испарениях. Спаситель был долго не брит, не спавшим и, мне кажется, не совсем вменяемым. Сомнения одолели меня, как только в кабине в нос мне врезался запах формальдегида, табака и перегара. И этому человеку я должен доверить свою судьбу? Судьба человечества в руках человека, вот в чем весь ужас! Мы тронулись. И тут я понял, что мизансцена эта мне уже знакома, я вспомнил слова Олега про аварию автобуса.

Невменяемый шофер тяжело давил на гашетку, находясь в собственной виртуальной игре на выживание. Впереди показался Т-образный перекресток. Погода в духе Айвазовского, треснувшие стекла и все зеркала, рядом сидит невозмутимый Олег, у которого повышается уровень фосфолипидов от экстремальных гонок без ограничений, я, вспотевший, как жирная гетера в разгар жаркого рабочего дня, жесткое сиденье впилось мне в поясницу, а вот и автобус, проезжающий в тридцати метрах. Красный свет, мы вылетаем на главную дорогу, визг тормозов, как крик слона, и вонь горелых покрышек. Мои глаза, мои глаза закрыты. Гуманный сюжет достойный Каннского кинофестиваля.

Остановились в метре от автобуса. У меня пред глазами проскочила вся моя жизнь, как необузданная лошадь, извиваясь и хлестко отгоняя

хвостом слепней. Только что я испытал авткатастрофу, про которую ранее мне поведал Олег, словно он заглянул в будущее.

Вам никогда не доводилось видеть себя в будущем? Как-то раз я слонялся по городу и задержался возле одного цветистого строения, через открытую дверь смотрел человек, и смотрел на меня. Он сразу мне не понравился, но выглядел дружелюбным. Я решил зайти внутрь, человек тотчас направился мне навстречу. Подойдя к нему, я понял, что этот человек — я сам, отражающийся в длинном зеркале гостевого зала. Здание это принадлежало молодежному центру «Будущее». Среди подростков, скачущих драгунов и распахнутых трельяжей, я увидел себя в будущем.

В дверь постучали громко и нетерпеливо.

— Да, входите, — отозвался Александр Константинович.

В кабинет заглянула молодая женщина в коктейльном платье с кудрявыми волосами и пигментными пятнами на худом лице.

— Подождите минуточку, — сказал ей Мирский. — Хорошо?

Она нервно кивнула и закрыла за собой дверь.

— Извините, Денис, ко мне пациент пришел. Я считаю, что на этом мы сегодня закончим нашу беседу, приходите завтра к девяти часам.

Эпиграф

Моросил долгий, мелкий дождь...

Моросил долгий, мелкий дождь, вечерний асфальт был мокрым, гладким и более темным, на нем переливался свет от ярких, пурпурных витрин и фонарей, выстроенных в две шеренги, словно послушливые солдаты Вермахта склонили они свои обрезанные сырые шлемы. Александр Константинович ехал домой, под колесами хрустел крошечный гравий; плавно, как громоздкий теплоход, он плыл в океане металлических конструкций. Поднимаясь на эстакаду, Мирский разглядывал сумеречную долину за широкой рекой, его путь лежал среди изможденных кустов, обшарпанных и подстриженных прибрежными ветрами, река умирала, исчезала, вода ослабла и уже не играла, не буйствовала, рыбы спустились ко дну, птицы улетели, насекомые замерли в дырах черной глины. Он выехал на узкую дорогу, по обе стороны она была опоясана вогнутыми книзу деревьями, зеленым тоннелем обернулся его путь.

Он думал о сегодняшнем посетителе, о том, что он рассказывал о себе и о своей жизни. Денис ему был весьма любопытен. Он перенес тяжелейшую травму, Мирский понимал его переживания и непреодолимое чувство вины,

воспаленное болью потери. Вот его друг Олег личность странная, странная и не менее любопытная, и никак он не мог разобраться в нем.

Опять он задержался на работе, опять возвращался он позднее обычного. Так много обещал он, что будет больше времени проводить с семьей, но всегда, всегда ему просто не хватало времени. Александр Константинович пересек перекресток, повернул налево и притормозил возле цветочного киоска.

Его жена пила на кухне кофе, посматривая в маленький телевизор, поселившийся на холодильнике. Она была в бирюзовом халате и выглядела расстроенной домохозяйкой. Но изящно причесанные волосы и макияж предательски выдавали, что она чего-то взволнованно ждала.

Он тихо вошел в квартиру, разделся и на цыпочках побрел к дочке в комнату. Приоткрыв дверь, он увидел спящее существо, ласково обнимавшее за мягкий носик плюшевого медвежонка с огромными глазами, подаренного им на именины. Когда он выбирал эту игрушку, ему сразу приглянулся этот медведь, красавец-брюнет в стеганом сюртуке и глянцеvitых башмачках. Ира лежала под одеялом, а на блаженном личике отражалась усталость пройденного дня. Дети все время бегают, прыгают, утомляясь, как ленивцы ползут они к своим кроваткам и засыпают.

На кухне горел свет, Александр Константинович воодушевленно засиял, он подкрался и открыл дверь. Но там никого не было. Звезда померкла. За ним мерно и неприметно проник кот Матисс.

Занавес

Мы протягиваем Западу руку дружбы и зачастую ладонью вверх.

Он поставил цветы в вазу и принялся уминать остывший ужин, пристально смотря в телевизор. Но едва ли не все, что показывают по телевидению, мог видеть в Колизее римлянин эпохи Нерона. Мирский остановился на вечерних новостях.

«Нас очень пугает положение на территории Российской Федерации, — считает министр промышленности и торговли США, — вызванное неконтролируемыми вспышками очагов агрессии, направленной на существование западных предприятий. Были уничтожены отдельные торгово-промышленные комплексы и выявлены всплески новых, еще более организованных сепаратистских движений. Для примера: в пищевой промышленности — корпорация «Кока-Кола» потеряла миллионы долларов вследствие хищения продукции; в крупных городах, включая

Санкт-Петербург, были полностью разгромлены и сожжены рестораны быстрого питания компании «Макдональдс».

Вместе с тем очевидно, что до настоящего времени предпочтения концентрировались в ресурсодобывающих отраслях, финансовом секторе, общественном питании, то есть отраслях с быстро окупаемыми капиталовложениями. Но происходящие волнения оказывают негативное воздействие на политико-экономические взаимоотношения. Потеря огромных денежных средств и подрыв авторитета провоцируют Соединенные Штаты к активным, прямолинейным действиям для решения возникших проблем.

Все свидетельствует о значительном потенциале экономического сотрудничества, даже при нынешних его весьма несовершенных условиях. Пути дальнейшего расширения будут во многом определяться стратегическими интересами стран, а также усилиями по преодолению существующих препятствий. Но если ситуация в ближайшее время не изменится, то считаю целесообразным прекратить инвестиционную деятельность в индустриальное развитие России, если правительство не может контролировать процессы, происходящие внутри государства, то любые вклады будут обречены. Я повторяю, что надлежит в кратчайшие сроки и с минимальными

для обеих сторон рисками разрешить массовые беспорядки и подавить враждебное настроение в отношении американских компаний. Иначе экономическая заминка может стать политической катастрофой...» Мирский переключил на другой канал и услышал вновь: бандформирования, повстанческие отряды, поджоги, взрывы, уличная преступность, война, террор и насилие. Он встал и выключил телевизор.

Правительство не решает проблем, оно субсидирует их. А лучше почитайте Библию, а потом посмотрите новости, и вы поймете, что все события перекликаются.

Видение

Это лицо ужасает меня, когда я вижу, до чего оно схоже с моим.

Недалеко от меня стоит женщина держа за малюсенькую ладошку девочку, они прекрасные и беззащитные, всматриваются в лица кукольными глазами. Стоят, отделенные от общей массы людей, как застывшие гипсовые скульптуры, слегка улыбаясь, они так и манят к себе. Дождь, дождь падает на лобовое стекло, струится тоненькими, змеевидными струйками, успокаивая и усыпляя. Они смотрят на меня, но подойти не решаются,

дождь останавливает их. Женщина раскрывает зонт, и они бегут к машине, шлепая по мелким лужам. Прыгнув в машину, они взрываются смехом и что-то мне говорят. Но я их не слышу. Я что оглох? Или люди разговаривают как рыбы, выдавливая звуки в мокрую пустоту. Я говорю им, говорю, но они только качают головой. Вы понимаете меня или нет? Я точно уверен, что надо ехать и ехать сейчас. Я завожу двигатель. И в лицах вижу недоумение...

Я еще проснулся? Или уже сплю? Это опять сон, он всегда приносит болезненные воспоминания. Я никак не могу вспомнить. Где Вера? Она уже проснулась? Она, наверное, встала и готовит завтрак. Надо подыматься и собираться на работу.

Свет включен. Открытый вентиль пустил напор в кран. Размазываю влагу по лицу. Вытираюсь полотенцем. Зеркало, окропленное капельками. Какой же я небритый. Стоп! Но ведь это же не я. Что за черт, это не мое лицо.

В отражении отвратительное, искаженное криком, морщинистое лицо старика, смотрящее пустыми глазами. Истощавшие скулы с дрожащими, безжизненными губами, которые хотят, но уже не могут ничего сказать. Серая лысая голова сухого человека, человека, за всю жизнь не сделавшего ничего, никакого блага — печальный образ никому не нужной жизни.

Не смотри, не смотри в зеркало! Опускаю взгляд, боль в руках, они в крови, дикая боль в спине сжигает позвоночник. Не смотри! Поворачиваю голову к зеркалу. Нет! Крест, кроваво-черный крест во всю спину. Огромный крест, обвитый цветами, будто ехиднами, вырезанный на спине. И боль, вырубленная куском стекла. Закрывать глаза, закрой глаза, уже закрываю окровавленными ладонями. Тишина сотрясает меня. Я умываюсь снова, смотрю в зеркало: мое отражение не изменилось, едко улыбаясь мне в ответ, оно медленно растягивает гримасу, ухмыляется, трясется. Противная улыбка идиота размером в лицо. Невидимая сила тянет щеки в разные стороны. Довольно!

Затрубил рог, как кобры прыжок, семь жнецов отбивают звон кандальный, и все вокруг утихло. Опустошенье, бескрайняя тишина — она сводит с ума. Кричу! Пытаюсь разорвать тишину, не дать ей овладеть мной. Что с тобой? Проснись. Проснись же, наконец!

Я взлечу, как птица, без сил. Что со мной? Как узнать? Как спастись? Они зовут меня. Я бегу, я улетаю к небесам навстречу. Все пройдет, все растает, все отступит, все умрет и все исчезнет.

Свет выключен. Мы все ведем во сне очень странную жизнь.

Скованный по рукам и ногам мокрой

наволочкой, Мирский востепенел и стал выбираться из постельных оков. Сильно ломили грудь и голова, вспотевшее лицо болело, словно он растягивал его во сне. Он повернулся — рядом лежала его Вера.

Она была мягкой под одеялом, ее волосы раскинулись по подушке, а на губах проявилась чуть заметная улыбка. Женщина перевернулась на спину, ее бархатистые плечи обнажились. От тела пахло теплотой. Грудь ее плавно вздымалась, пульсировала, чуть тревожно вздрагивая. Александр Константинович пододвинулся, склонился над ее головой и поцеловал спящую красавицу в приоткрытые губы, потом в шею, он вдыхал аромат ее жаркого тела. Его рука скользнула ниже. Голубоватая сорочка смялась у нее между сомкнутыми коленями. Он убрал растрепанную прядь с ее лица и поцеловал в щеку, за ухо, в уголок рта, он прижался к ней, медленно, осторожно поглаживая ее бедра и живот. Она раскрыла глаза, улыбнулась и поцеловала его в подбородок нежно-нежно, затем коснулась губ. Этим утром Александр Константинович дышал, глубоко дышал, и чувствовал он себя счастливейшим из всяких, как бывает редко это, как в предпоследний раз.

Включил свет, открыл кран, потекла вода. Разбрызгав ее по лицу, он вытерся полотенцем,

приминая на щеках торчащие волоски. Но бриться он не стал. И в зеркало смотреть тоже. Только почистил зубы.

Ира с двумя распущенными хвостиками бегала и кружилась, как бельчонок, а Вера, накинув бирюзовый халат, поливала цветы и готовила завтрак.

— Говорят, ранимые цветы кружатся в танце, когда их уносит ветром, — с этими словами Александр Константинович зашел на кухню.

— Папа! — завизжала Ира, прыгнула на него и повисла на шее.

— Давайте завтракать, — сказала жена и поставила горячий чайник. Они сели за стол. Александр Константинович в спешке ел, рассказывая про возможные перспективы на работе. В очередной раз он удивил семью тем, что совсем скоро они переберутся в новую, более просторную квартиру. Чему супруга очень обрадовалась, ведь они так давно собирались поменять жилье.

— Как дела на работе? — спросил он.

— Все как обычно, договора, договора, сплошные договора, оформление, подготовка к оформлению, в общем, все как всегда. — Его жена работала нотариусом в юридической компании, обычная профессия в обычной компании.

В период пятнадцатиминутной трапезы он успел пролить на свой костюм гранатовый сок,

поперхнуться бутербродом с ветчиной и обжечь чаем нёбо. Посулив, что в ближайшее время постарается найти подходящую квартиру, и оттерев пятно, он помчался на работу.

Рубикон

Ваше время истекло.

Нажав на кнопку, Мирский вызвал лифт на свой этаж. Режим ожидания. Пульт включен, правила предопределены. Игра началась.

Для человека, который спорит со временем, это огромный, ничем не заполненный провал в жизни. Неважно, век это или мгновение, целая эпоха или мимолетное отражение в зеркале одного незаметного человека с ремнем на шее. Нет значения в произношении, громкости и вибрациях, нет смысла в скорости и яркости всех звезд — Сириус эта звезда или Звезда Давида — ничего нет, кроме факта, но и он без смысла. Все это правда, и немой звук, и белый шум, но есть лишь одна правда — ты умрешь, и советую это признать. Вы хотите знать, когда это произойдет? Время — необратимое течение, протекающее лишь в одном направлении — из прошлого через настоящее в будущее, внутри которого происходят все существующие процессы, а также наше сознание. Сознание ощущает время,

вспоминая прошлое, осознавая настоящее и предполагая будущее.

Если взять геометрическую модель времени, а элементы множества x , y , z интерпретировать как моменты этого времени, будем считать, что оно обладает свойством линейной упорядоченности. Если построить из этих трех временных координат равнобедренный треугольник, а сверху наложить на него точно такой же, образуя структуру из шести треугольников, присоединенных к сторонам шестиугольника, и провести прямые через вершины углов, то при пересечении линий мы найдем узловую точку. Центр, где встречаются все временные параллели, и определит общее физическое завершение. Исчезновение тела из времени. Стечение обстоятельств. Вы хотите знать, когда?

Вывод: если мы будем тратить свое время на чепуху вроде таких вычислений, то время истечет раньше, чем наступит смерть.

Толпы бродяг, зараженные вирусом дефицита времени, полумертвые калеки скитаются по меридиану в поисках вакцинации. Мы одинокие, прогоревшие души на рубеже времени. Как мокрицы лезем мы от чумы, цепляясь равными ножками за стенки мусорного бака, впитывающего нас, зловонно переваривающего нас. Но и в Содоме живущие есть, сильные есть и живые, те, кто не

слышит остальных, те, кто не делит проклятья, кто не преет в останках и не чернеет на высоковольтных столбах.

Я собираю сухую солому в небольшого размера тюки, связываю и выстраиваю из них стену. Или выжимаю после стирки белье, капля за каплей, а потом равномерно вывешиваю на протянутые веревки сушиться. Можно прислонить стетоскоп к сердцу и наслаждаться звуками аритмии. Кто знает? и когда? Время вытекает как бесцветная лимфа, как бордовая кровь из носа густой струйкой, и засыхает.

Время длится очень медленно, когда в высшей степени хочешь в туалет, а дверь заперта. На просьбы, переходящие в требования, никто не отвечает, потому что горячо любимая бабуля забыла надеть свой слуховой аппарат. В конце концов, время побеждает, приобретая теплую и не очень приятную форму, и все чаще форму ненужного груза в штанах. Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!

Или когда пироманьяк хочет сжечь квартиру на тринадцатом этаже с твоим любимым ожереловым попугайчиком. Лестница завалена строительным хламом, один лифт никогда не работал, а на другом катаются озорные детишки. Время принимает учащенный и сбивчивый характер. Жаль, попугая так и не спасли, а ведь он

был таким способным к обучению. В клетке от него остался только ступенчатый нос и его тюремный невроз.

Нажав кнопку, Александр Константинович вызвал лифт. Режим ожидания. *Пожалуйста, не отключайтесь, абонент скоро подъедет на ваш этаж, или дождитесь ответа оператора.* Для человека, который спорит со временем, это огромный, ничем не заполненный провал в его короткой жизни. Относительный временной интервал между двумя событиями. Вы хотите знать, когда?

Бывает так: стоишь на перекрестке и хочешь перейти дорогу, посмотрел направо — ничего, посмотрел налево — что-то едет. Смотришь и не понимаешь, насколько быстро едет, успею перейти дорогу или лучше повременить? Стоишь, ждешь, а время идет. А машины все нет и нет. Думаешь, вот сейчас перейду. А если не успею, что тогда? Нет, пока подожду. А машина вроде бы близко, так близко, но перебежать все же можно. Можно, но поздно. Что уж торопиться, раз столько времени потерял, надо теперь ждать до конца. Надо так надо. Опять стоишь и думаешь, столько времени зря потерял, не терять же еще больше? Все, перехожу. А какой теперь смысл рваться, она уже вот-вот проедет, дождусь тогда, а потом спокойно пойду. Опять-таки стоишь, нервно топчешься на

месте, дрыгаешься туда-сюда, издеваешься над подвижной психикой. И вот машина уже приближается. Все равно не понятно, как же она все-таки едет, быстро или медленно, успею или нет? Вроде бы быстро для того, чтобы идти, но слишком медленно, чтобы стоять. Быстро, медленно, то медленно, то быстро, кажется, все еще медленно. Перейти или не перейти? Не могу больше ждать, взял да и пошел. И в этот момент тебя подкидывает кверху. Не умеешь ходить — тогда бегай!

...то при пересечении линий мы найдем узловую точку, центр, где встречаются три временные параллели, и обозначит общее физическое завершение. Стечение обстоятельств. Вы вообще в этой жизни что-нибудь хотите?

Мирский, как всегда, спешил, он перебирал ногами и тыкал пальцем в красную клавишу. Наконец он зашел в кабину. Поехали, медленно, как бесполезная донорская кровь по мягкой вене. Иногда в таких ситуациях хочется, чтобы произошло возгорание в проводке лифта, от износа и перенапряжения трос оборвался и стерлись в пыль все тормозные колодки. Таким образом можно преодолеть спуск много быстрее, на глаз, шесть этажей в секунду, и выиграть себе дополнительное время. Если останешься жив. Хотя какая разница.

Разбить все часы в доме, сломать все стрелки и никогда не видеть мигающих огней циферблата. Время — величина неделимая и ничем не определяемая, и мы зависим от него. Оно преследует, поглощает, затягивая в свою бесконечную игру. *Ваше время истекло, просьба освободить вагоны.* У жизни есть только одна прерогатива и только одна перспектива: смерть значит смерть, умереть — значит освободиться.

Александр Константинович выбежал из лифта, столкнулся с какой-то старухой, сжато извинился и побежал дальше. В подъезде на первом этаже он увидел человека, это был уже визуально знакомый ему почтальон, впихивающий в щели почтовых ящиков мятые газеты и рекламные брошюры. Мирский достал из своего ящика один рекламный проспект, где на главной странице сияла надпись «Агентство недвижимости». Убрав его в сумку, он поблагодарил почтальона и тяжелым шагом двинулся дальше.

II

Сеанс второй Коралловый

Он прорывался вперед, обгоняя время и

жизнь. Его душа стремилась к людям, обжигая ласковым огнем их тела, глаза, их кричащие лица.

Поднявшись в офис, Александр Константинович натолкнулся на поджидавшего в приемной Дениса. Они прошли в кабинет.

— Присаживайтесь, — вяло сказал Мирский, копошась в шкафу.

— Я уже сел.

— Садитесь. Как настроение?

— Спасибо, я и так сажу. Нормально, — тихо отозвался Денис.

— Устало выглядите, бледновато как-то. — Закончив возиться с бумагами, он повернулся.

— Не выспался, наверное. Пустяки.

— Понимаю. Сам плохо сплю.

— Я не спал уже четыре дня, — вымолвил Денис и закурил.

Александр Константинович принялся выкладывать из портфеля разнообразные конспекты, аккуратно раскладывая их на столе. — Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, вы позволите?

— Психодиагностика для выявления психопатологии? — поинтересовался Денис.

— Скорее на профессиональную пригодность. — Мирский достал из футляра очки и начал протирать прозрачные линзы. — Вы состояли на учете у невропатолога?

— Да, в детстве.

— С чем это было связано?

— Проблемы с дикцией.

— Ясно. — Александр Константинович пометил что-то у себя в тетради. — Непереносимые препараты?

— Медицинские препараты, вызывающие аллергию?

— Да.

— Нет. Не знаю. Если только в детстве.

— С чего начинается ваш день?

— Варю кашу. Геркулесовую кашу, так будет точнее.

— Как вы относитесь к искусству? — продолжая полировать диоптрическое стекло спросил Мирский.

— Положительно.

— Как вы думаете, что делают одинокие люди в пустой комнате, когда на них никто не смотрит?

— С чего вы взяли, что я одинокий? Я не одинокий, — растерянно произнес Денис.

— Я не говорил, что вы одинокий. Я спросил, как вы думаете, чем они, одинокие люди, могут заниматься?

— Письма сами себе пишут, наверное, откуда мне знать.

— Вам нравится море?

— Ну да, — ответил он равнодушно.

— Вы употребляете наркотические вещества? — Мирский наконец надел очки, и взгляд его стал чуть раскосым и несколько даже выразительным.

— Нет.

— Вы употребляли наркотики в этом году?

— Нет, не употреблял, — утомленно ответил Денис. — Все это так похоже на один случай, когда я впервые оказался у Олега дома. Он жил на втором этаже в большой трехкомнатной квартире. Но видел я только одну комнату, остальные он мне не показывал, они всегда были заперты. Понятия не имею, что он там прятал, говорил только, что там полный разгром и все надо ремонтировать. Мебели у него почти не было, ничего лишнего, от этого пространство комнаты было широким. Стояли книги на полках, которые он не читал, и плоский телевизор, который не работал, а просто так висел на стене, старое, расстроенное фортепиано, на его крышке Олег постоянно что-то резал, чаще всего колбасу и ржаной хлеб, а ел почему-то только хлеб. Олег был человеком далеко не бедным, но жил он просто и не стремился к улучшению качества своей жизни, пользуясь только тем, что действительно ему необходимо — неприхотливая спартанская натура. Он сиживал на стуле с мягким сиденьем и был весь обмотан проводами, рядом с ним стояла литровая банка с солеными грибами и раскрытый

портативный персональный компьютер с сенсорным блоком и датчиком съема информации. На мониторе мигали разные таблицы и выющиеся параболические графики. Когда я спросил, чем он занимается, и вообще что это такое, он громко ответил:

— Это полиграф. Детектор лжи! Я проверяю себя на умение лгать. Это техническое средство, предназначенное для оценки достоверности сообщенных сведений. Оно используется при проведении инструментальных психофизических исследований.

— Но это не объективное доказательство, — говорю я ему со смутным знанием дела. — Притом, задавая сам себе вопросы и отвечая на них, ты точно нарушаешь все правила тестирования.

— Да это я так... забавляюсь, — отмахнувшись сказал Олег и вилкой зацепил упругий грибок. — И вообще, подавлять доверие людей дело утомительное.

Лживость

Всех идолов сотворяют ваши пустые языки.

Неуверенно, но мой голос становился все тверже и обстоятельнее.

— Лгать на самом деле очень легко, главное

только начать.

— Ты, несомненно, прав, приятель, у тебя яркий, самобытный мыслительный талант. Ты стал таким наблюдательным благодаря своей работе? Хочешь? — И протянул мне вилку с соленой шляпкой опенка. — Людям удобно находиться где-то между правдой и полуправдой, они сами уже не замечают, когда врут, а когда врут намеренно. Это образ их оскопленной жизни, а предательство, как образец для подражания. Вот видишь опенок?

— А почему это опенок?

— Потому что это опенок. Ложь порой похожа на ядовитый гриб.

Я проглотил опенка, он мягко скатился на масляных санках по стенкам пищевода и упал в химическую реторту. Я захотел еще.

— Еще есть? — Обожаю соленые грибы, да и жареные обожаю с картошкой. — Ты разбираешься в грибах?

— Не ахти, можно сказать, что нет, вот собирать мне нравится.

— То есть ты собираешь сам не знаешь чего? — У меня живот сдавило.

— Если мне нравится собирать грибы, это не значит, что я их ем. Зачем ты его съел?

— Грибы люблю.

— Ты его съел, потому что уверен, что не отравишься. Но если бы ты не знал, что он

неядовитый, что тогда? Ты принимаешь чужое мнение за основу, за правду, за свое, потому что за тебя уже решили, что есть правда, а что обман. Ты сам можешь выбирать, как тебе относиться к тому или иному положению вещей. В этой системе есть только две опции и имеют место только две функции, отдавай предпочтение любой. Или живи по умолчанию. Примеров в жизни настолько много, что не стану приводить ни одного. Но кто знает, что настоящая действительность, а что нет? Кто из нас точно уверен в этом? А я тебе отвечу — никто, потому что каждый воспринимает все по-своему. Одни лгут, другие это позволяют, одни ищут оправдания в экскрементах своего вранья, другие клеветают на них за их оправдания.

На данный момент для тебя этот опенок безвредный, но через момент он может оказаться ложным, как и в его яде когда-нибудь обнаружатся полезные свойства, и тогда он уже будет целебным. А значит, сегодняшняя ложь обернется в завтрашнюю правду. Все относительно, все можно исказить, дискредитировать и изменить под давлением обстоятельств. И некогда бывшую ложь мы будем почитать за правду. Конечно же все мы будем продолжать пользоваться этими представлениями, но это всего лишь точка зрения, как чье-то субъективное суждение. Мы привыкли все смешивать и спутывать, чтобы интересней было

распутываться, мы привыкли все делить, но зачем? Пусть все остается цельным и неделимым, а раз так, то нет правды, а значит, нет и лжи. Но есть последствия.

— А если человек, зная, что гриб ядовитый, говорит, что он съедобный, что тогда? Следовательно, он солгал.

— Тогда он просто надумал тебя убить. Называй вещи своими именами.

— Если ничего этого нет, что же тогда есть?

— Я не ищу оправдания, я знаю правду, в глубине души сознавая, что ее не существует. Есть только истина вечная и неизбежная, и до смеха жуткая она. И кто из нас способен знать ее? — Олег звонко стукнул вилкой по стеклянной банке, объявив завершение раунда. — Ложноопенок отличается отсутствием у него кольца на ножке.

Все люди делятся на две группы: одни живут благодаря лжи, другие благодаря тому, что они ошибочно считают правдой, только ты уже солгал, когда открыл свой рот. Так что лучше помалкивать, в молчании честность, а в словах, в словах — слова.

Не лжесвидетельствуй.

— Выходит, ты никогда не врешь?

— Я? Я ложь вообще не понимаю. Ты сейчас какие-то страшные слова мне говоришь. — Он медленно приподнялся, чтобы не оборвать провода, и снял с себя датчики, затем подошел к столу и взял

сигарету. — Кстати, о страхе. Как бы ты хотел умереть?

Когда Олег не желал отвечать на заданный ему вопрос, он просто переводил разговор на другую, удобную ему тему.

— А что есть выбор? Я по большей части своей не хочу умирать, а ты?

— Ну, прилюдный расстрел, распятие, все это уже было, вот сожжение это болезненная, но чересчур пафосная гибель. Эвтаназия предполагает отключение поддерживающей жизнь аппаратуры или использование специальных медикаментозных средств, прерывающих жизнь, например, ввести в вену большую дозу фенobarбитала, уснуть и не проснуться — слишком просто, это для других.

— Раздавливание, как тебе? Когда потолок на тебя медленно опускается, — предложил я замечательный способ умерщвления.

Экстренная служба «112» — кто спасет меня на этот раз?

— Очень хорошо. Это для тех, кто не ценил при жизни время свое. Такая смерть подведет итог их насекомой жизни.

— Глубокая заморозка? — Еще одна гуманная версия.

— Глупо, конечно, но все равно не то. Нам нужна смерть еще нелепее. Святая вода, взрывная волна, солнечный удар, сыворотка правды,

веселящий газ, да какая разница, главное, чтоб с улыбкой на лице. — Олег огласил результаты конкурса и указал на стул. — Давай, друг, присядь-ка, тебя проверим.

— Да ну, что-то не хочется.

— Не бойся, это же не электрический стул.

Он прикрепил мне на мизинец гиперчувствительный датчик, обтянул проводом грудную клетку и еще несколько шнуров подвел к пальцам. Не знаю, где он раздобыл этот детектор лжи, но уверен, что аппарат не дешевый.

Многие компании и крупные организации берут на вооружение такого рода методики при приеме сотрудников на работу, а также для проверки и выявления хищений на предприятиях. Подчеркиваю, сложность и характер вопросов зависит от цели дознания. При устройстве на работу тебе будут задавать вопросы, касающиеся только интересов фирмы. А если же ты гнусный педофил и тебя допрашивают в другом месте, то вопросов типа «имели ли вы половую связь со своей сводной сестрой» не избежать.

— Вас зовут Денис? — начал Олег.

— Да.

— Вы сейчас сидите на стуле?

— Да.

— Вы брали когда-нибудь без спроса деньги?

— Нет.

— Вы употребляете спиртные напитки?

— Нет.

— Вы употребляете спиртные напитки на работе?

— Нет.

Вы должны сидеть спокойно и ровно дышать, редко моргать глазами и как можно реже проглатывать слюну, чтобы не вызывать лишние колебания.

— Вы живете с родителями?

— Нет.

— Вы женаты?

— Нет.

— Суицид?

— Подразумевается, хотел ли я выброститься с крыши семнадцатизэтажного дома? — нервозно переспросил я.

— Отвечайте односложно «да» или «нет».

— Нет, я только хотел повеситься на собственном ремне.

— У вас серьезная работа?

— Да.

— Ваша работа включает в себя общение с людьми?

— Да.

— Вы не живете с родителями, потому что они отвлекают вас от работы?

— Нет.

— Вы не живете с родителями, потому что они умерли?

— Я не буду больше отвечать на твои вопросы!

— Да или нет, все остальное от лукавого.

В это время подсознание человека уязвимо и открыто для широкого просмотра зрителей. Оно расскажет о тебе все, что у него порасспросят.

Взбесившись, я сдернул с себя всю прицепленную на меня груду проводов и швырнул ее на пол.

— Осторожно, безумец, оборудование-то дорогое.

— А не надо задавать свои дурацкие вопросы.

Детектор лжи не является доказательством в суде и никто без вашего письменного согласия не имеет права применять такого рода методы дознания.

— Вопросы как вопросы.

— Только не для меня.

— Может, ты поймешь, что это еще не конец света. Одни люди рождаются, другие умирают, обычное дело, или ты так и будешь скулить до конца своих дней. Ты чем в жизни своей занимаешься?

— Ничем.

— Тогда займись чем-нибудь! Уясни сейчас или никогда, твоя мать и ее рак мертвы, и забудь об

этом.

Я мою руки, лицо, шею, вода попадает мне в нос, в глаза; вода мутная, запах гниющего, разлагающегося тела, такой резкий, когда из болота вытаскивают недельный труп, стойкий запах адреналина, кожных выделений и протухшего мяса. Я чищу зубы, полоаскаю рот, выплевывая мутную жидкость. Прорвавшаяся десна начала кровоточить. Я полностью окунулся в аромат смерти, благоухающей, заплесневелой тины в стоячей воде. От этого запаха невозможно уйти, отмыться, песок на языке, на языке травяной привкус вперемешку с ношеным бельем. Вода стекает, но ее нельзя стереть льняным рушником, она со мной навсегда. У запаха нет национальности и языка, а в языке нет одинаковых слов, зато есть возвращающиеся. Этот запах всегда возвращается.

За окном что-то взорвалось, комната наполнилась эхом, в углах застыли отголоски. Денис тихо достал сигарету, чтобы не побеспокоить молчание, и прикурил.

— Не слишком ли часто курите? — осведомился Мирский. — От сигарет умирают, это же здоровью вред.

— У меня безвредные. И я не знаю ни одного человека, который бы покурил сигарету и оттого умер.

— И как давно вы познакомились с этой

привычкой?

Денис втянул дым, заставив уголек раскалиться.

— В тот день во мне что-то поменялось и я уже по-другому смотрел на все, а по-другому было и нельзя.

Один. Сигаретный дым проходит через твои бронхи, оставляя на них серую пыльцу. Два. Проникает в легкие, медленно заполняя пустоту всего объема черной сажой. Три. За несколько секунд никотин попадает в кровь. Четыре. Ты выдыхаешь остатки ядовитой гари. Пять. Временная эйфория. Шесть. Все повторяется заново.

Мы встретились с Олегом после трехнедельного перерыва. У него была такая странная тенденция куда-то исчезать без каких-либо объяснений и также внезапно появляться. Нельзя знать наперед, увидишь ты его еще когда-нибудь или нет.

Мы сидели на скамейке в парке, было уже холодно, но снега не было, прошлой зимой он выпал позднее обычного, а без снега еще холоднее. Олег рассказывал про свои новые проекты, про женщин, которых он не успел покорить, я даже успел соскучиться по нему, нельзя не упиваться подобной смесью чувственной силы. В нем бурлила кислота, смешивались реагенты, взрывались

изотопы, протекали сверхскоростные реакции, он был катализатором всей жизни, всего мира, огромного, вращающегося неделимого атома.

Холодный, заблудившийся ветер припекал сухую кожу, мерзли ладони и ноги. Олег прыгал и махал руками, выкрикивая порывы воздуха.

— Займемся психотерапией. — Он перестал прыгать и достал из сумки бутылку красного вина. — Здоровье в воде, а истина в вине. Научные люди считают, что алкоголизм, как и шизофрения передается по наследству. И что с того?

— Что-то сегодня прохладно, — обращаюсь к нему. — Да и пейзаж довольно серый.

— Ты был в Париже?

— Нет, но Версаль мне больше нравится.

— Представь, что ты сейчас в вечерних сумерках парижского воздуха, Монмартр, дух импрессионизма, сидишь в кафе, пьешь Шато Маньоль и под занудную шарманку любишь прогуливающимися молоденькими дамами.

— И пишу официанткам стихи на бумажных салфетках.

— Да-а, — протянуто одобрил он, обратив взгляд в сторону. — А вот и непокоренные официантки.

Рядом на скамейке переминая ногами сидели три обширные женщины интересного возраста. Олег был расфранчен в бесформенную

горнолыжную куртку, похожую на мешок с капюшоном — в такой одежде только умирать хорошо, хорошо и удобно. Он неспешно подошел к ним и ненавязчиво стал о чем-то говорить, пробивая в их лицах улыбки. Такого незамысловатого общения с таким человеком, как Олег, им сейчас действительно не хватало. Довольный собой он воротился. На соседней лавке с другого края сидела группа буйных людей, они рьяно спорили в хмельном подпитии. Постепенно становилось темно. А мне нравится, когда темно, не знаю, почему, просто нравится. Женщины ушли улыбаясь, одарив нас последним взглядом. Стало еще более безлюдно, только доносились возгласы уже изрядно пьяных людей, разжижая наш диалог. Олег достал из сумки еще бутылку, открыл ее и небрежно разлил по пластиковым стаканчикам. И половину пролил на признание в любви неизвестной Насте, намалеванное белой краской на асфальте.

— В стране с такой концентрацией женщин невозможно оставаться в стороне. — Он сделал большой глоток.

— И что ты в них нашел? — спросил я с недоумением. — Эти дамы совсем не молоденькие.

— Я смотрю на возраст как на опыт, ты же видишь цифры, но у каждой цифры свои красота и значения. Это как потребность в еде, каждый

любит, то, что любит.

— Но обязательно же должен быть вкус.

— Скажи, тебе нравятся, ну скажем, жареные тараканы? Только честно.

— Разумеется, нет.

— А для индейцев какого-нибудь перуанского племени это изысканный деликатес.

— А что действительно в Перу есть индейцы? — Я вообще плохо разбираюсь в этих индейцах.

— Не знаю, наверное, есть. Но суть не в этом.

— А в чем?

— А в том, от чего ты испытываешь отвращение, другие испытывают наслаждение. Уяснил?

— Не совсем.

— Тебе кажется, что именно такую музыку всем надлежит слушать, именно такие фильмы всем стоит смотреть, читать такие книги, какие понимаешь ты, и становится как-то странно, когда твой друг предпочитает другой футбольный клуб. Но это дело каждого, каким местом ему зарабатывать деньги и за кого голосовать на выборах. Кому-то привлекательны толстые теткы в ковбойских шляпах, кому-то юные француженки в красных шапочках, а кому-то курносые футболистки. Одним нравится поедать перезревшие бананы на завтрак, вторые пьют цикорий с

круассанами и солеными крекерами, а третьи, третьи вообще не завтракают, все это индивидуальные привязанности и вкусовые пристрастия. Теперь понял?

— Футболистки? Поясни поконкретней, а какой именно футбол?

— В твоём случае настольный, подлей-ка еще вина, оно придает вдохновения. Как постоянно повторял мой ближайший соратник и поэт Михайло Ломоносов, сожженный на костре святым отделом еретической греховности: «А вдохновение — это такая девка, которую завсегда изнасиловать можно».

— Ломоносов? Михаил Васильевич? Так он же ученый-естествоиспытатель, химик он.

— А что же ученый не может быть поэтом?

Совесть

Обыкновенно разумеется свобода от нее самой.

Пять чувств плюс чувства гравитации-равновесия, магнитной ориентации, чувство скрытого стыда как предвестник сребролистного пыла.

— А ты, вообще, когда-нибудь любил?

— Не помню. Любовь зависит от скорости оседания эндорфинов. — Олег смял пустую

пачку. — Сигареты кончились, может, спросишь у кого-нибудь?

— Ты куришь, ты и спрашивай.

— Да ладно тебе.

— У кого?

— Да вон. — И указал средним пальцем на команду рядом. — У них-то точно есть.

— Я не буду у них ничего спрашивать, — возмутился я, начиная злиться на его настойчивость.

— А мне ничего и не надо, только одну сигарету, — не отступал от меня Олег. Присосался, как назойливый овод, к недоступному месту на мокрой спине. — Ой, только не говори мне, что ты испугался.

— Да нет, все отлично, кого там бояться, шестерых футболистов в форсированном состоянии. Бред какой-то, нормальный человек обойдет такую компанию стороной, а ты мне специально предлагаешь на них нарваться.

— Ты сейчас ведешь себя, как трус.

— Олег, имей совесть.

— Совесть... а что это? Ты знаешь, что в китайском литературном языке нет слова эквивалентного этому понятию?

— Но мы же вроде не китайцы, у нас-то совесть должна быть.

— Ты еще скажи, честь, долг, достоинство.

Слушай, может, ты коммунист? Ты подразумеваешь под совестью чувство нравственной ответственности за свое поведение или чувство вины после мастурбации?

— Я подразумеваю, что не могу вот так просто подойти и у незнакомых людей что-то просить. — Мне еще приходится оправдываться в том, что я еще не совершил. — Притом не понятно, что у них сейчас там в голове творится.

— Ты хочешь сказать, что если я могу пойти и спросить, значит, я полный псих?

— Нет, что ты! — воскликнул я. — Я этого не говорю.

— Но это говорю я! — словно судья поставил печать на моем смертном приговоре, его слова, как приглушенный стук штампа, вминающий каучук в эпохальную бумагу. — Вот ты работаешь менеджером, заключаешь сделки или как это еще у вас называется, вспомнил, ты работаешь риелтором, продаешь недвижимость, дома, квартиры и все такое. Да?

Я киваю головой в знак согласия. Да, господин Судья.

— И ведь ты не всегда раскрываешь все карты. И правда, зачем? Вдруг привередливые клиенты заартачатся и откажутся покупать. Честно говоря, мне все равно, по какой причине ты так поступаешь, из-за денег или из-за своего неведения.

— И что?

— Давай попробуем воссоздать картину с определенной последовательностью.

Ваша Честь не оставляет мне выбора, мораторий на высшую меру наказания на меня не распространяется.

— Предположим, что ты продал дом одной очень хорошей семье. Мужчина, вкалывающий сутки напролет, чтобы в будущем дать своей дочери достойное образование, женщина трудится, не разгибая спины, лишь бы оплатить огромные счета и раз в год сводить дочку в зоопарк. И вот они собирают все свои скопленные непосильным трудом сбережения, и решают купить дом. И тут появляешься ты, весь такой совестливый и всей душевности предтеча. Ты получаешь свой законный процент, а они пространство, где теперь могут спокойно жить и радоваться. Наступила весна, и что-то в доме стало не так, все в нем перекошилось, разорвались трубы, сгнил пол и несущие балки, а уж про крышу и говорить нечего. Деньги уже назад не вернешь, а конюшню эту уже никому не продашь. Нервы на пределе. Глава семьи от счастья просторного, как водится, напивается, и совсем не кефира прохладного, и везет он на своей старой машине жену на работу, а дочку...

— Куда?

— В школу. И последнее, что все они

увидели, это серая железобетонная плита, вмятая в капот автомобиля. Мужчина остался жив, все остальные погибли. Следствие — две смерти, одна поломанная жизнь. Вопрос — кто же во всем этом виноват? Вопрос обычен до обожания.

— Я думаю, что это нелепый случай.

— Ты бы еще на природные катаклизмы сослался, — возмущенно обратившись к слуху моему произнес обличитель. — Люди это просто удивительные существа, чтобы не нести никакой ответственности за содеянное, готовы они придумать себе все, что угодно. Случился пожар, дом сгорел дотла — халатность в обращении с огнем, неисправность в электропроводке, непотушенная сигарета, разгневавшийся Зевс-громовержец поразил сверкающей молнией, проснулся самый древний вулкан. А версия того, что там повсюду разлили бензин и подожгли, несущественна и совершенно не возможна? Ты пойми, что любой твой жест, любое слово может привести к непредсказуемым последствиям. Ты нахамил женщине в вагоне метро, а она, придя домой, вскрыла свои изящные вены, да еще шторы заляпала кровью, стены и пол. А кто отмывать будет? Уж не ты ли, благодетельный Ганди, близкий сердцу моему? Ты оскорбил соседку, обидел своего младшего брата, переходя дорогу толкнул плечом бродягу, а в Никарагуа умерло